

Romantic Fantasy

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES №1

Орден Тьмы

Филиппа Грегори

Буревестники

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Грегори Ф.

Буревестники / Ф. Грегори — «Эксмо», 2012 — (Орден Тьмы)

ISBN 978-5-04-093035-7

1453 год. В Европе наступили темные времена: взят Константинополь, Османская империя завоевывает новые земли, а папа римский беспокоится о своей пастве... и власти. Его Святейшество отдает приказ ордену Тьмы, члены которого призваны искать повсюду признаки близящегося конца света и создавать «карту людских страхов». И на авансцену выходит Лука – умный не по годам юноша, которого снаряжают в экспедицию вместе с монахом братом Пьетро и слугой Фрейзе. Волею судьбы к ним присоединятся прекрасные девы: благородная Изольда и ее компаньонка – мавританка Ишрак. Они сталкиваются с пророком Иоганном Добрым, собирающим детей в новый крестовый поход, но вдруг происходит нечто невероятное.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-093035-7

© Грегори Ф., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Дорога из Рима в Пескару,	6
Пикколо, Италия,	10
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Филиппа Грегори

Буревестники

Philippa Gregory

Stormbringers

Copyright © 2012 by Philippa Gregory

Published by arrangement with Simon & Schuster UK Ltd

1st Floor, 222 Gray's Inn Road, London, WC1X 8HB

A CBS Company

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system without permission in writing from the Publisher.

© Черезова Т., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Э»», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Дорога из Рима в Пескару, Италия, ноябрь 1453 года

Пятеро путников, едущих верхом по разбитой дороге, ведущей в Пескару, заставляли всех поворачиваться и смотреть им вслед. На них глазела и женщина, которая подала им разбавленный эль на придорожном постоялом дворе, и крестьянин, складывающий стену из тесаного камня у обочины. А парнишка, тащившийся из церковной школы на работу в отцовский виноградник, прямо застыл на месте как вкопанный. Люди улыбались при виде сияющей пары, возглавляющей процессию, ибо они были не только красивыми и юными, но и стоящими на пороге влюбленности.

– И чем это закончится, как ты думаешь? – поинтересовался Фрейзе у Ишрак, кивая на Луку и Изольду.

Прекрасная пара ехала как раз впереди них – по прямой как стрела грунтовой дороге, которая вела на восток, к побережью Адриатики.

Золотая осень была в самом разгаре, и хотя путь в Пескару обещал стать непроходимым зимой, сейчас он оказался легким – выносливые лошади быстро несли всадников в сторону побережья.

Фрейзе, улыбчивый юноша с широким лицом, был лишь на несколько лет старше своего господина, Луки. Ответа Ишрак он дожидаться не стал:

– Он в нее уже по уши влюбился. Если бы он жил в миру и был знаком с девушками, то знал бы, чего ему следует опасаться. Но он попал в монастырь еще шуплым мальчишкой и потому считает госпожу Изольду небесным ангелом. Она изящная и златовласая, словно сошла с монастырской фрески. А кончится все слезами: она разобьет сердце моему господину.

Ишрак помолчала. Ее темные глаза были устремлены куда-то вдаль.

– А почему ты решил, что плохо будет именно ему? Что, если Лука разобьет ей сердце? – спросила она. – Я никогда прежде не видела, чтобы Изольда вела себя подобным образом, хотя она почти не общалась с юношами. Возможно, Лука станет для нее первой любовью. Она выросла в замке как знатная дама – туда не пускали странствующих рыцарей, да и трубадуры с песнями о любви в Лукретили не гостили. Не считай, что все было, как в тех балладах, где описываются дамы, кавалеры и розы, которые девы бросают вниз из зарешеченного окошка. Нет, Изольду растили в строгости. Отец учил ее быть хозяйкой и рассчитывал, что она будет править землями. Но ее брат все украл, а Изольду запихнули к монахиням. Это просто чудо для нас обеих, что мы смогли очутиться на свободе и увидеть реальный мир... Неудивительно, что Изольда счастлива. И, по-моему, замечательно, что первым мужчиной, которого она встретила, был Лука. Они в общем-то ровесники, а красивее его, мы... то есть, конечно, она... никого раньше не встречала. Лука – добрый и по-настоящему любезный – и не может оторвать от нее глаз. Любая девушка сразу бы в него влюбилась!

– Она ежедневно видит еще одного привлекательного парня, – возразил Фрейзе. – Практичного, приветливого, умеющего обращаться с животными, работающего, полезного... и, между прочим, пригожего. По-моему, большинство назвало бы его красивым. А некоторые даже сказали бы, что он неотразим.

Глядя в честные голубые глаза юноши, Ишрак с радостью воспользовалась возможностью неправильно его понять.

– Ты имеешь в виду брата Пьетро? – Она обернулась на пожилого церковника, который ехал следом за ними, ведя в поводу ослика. – Ой, нет, он для Изольды чересчур строг, и, между прочим, она ему не нравится! Брат Пьетро считает, что женщины отвлекают вас от выполнения миссии!

– И он прав! – Фрейзе поддался соблазну подразнить Ишрак, но тотчас посерьезнел. – Сам папа римский поручил моему господину Луке важнейшую задачу! Мой господин должен обнаружить признаки грядущего конца света. Если завтра или послезавтра наступит скорбный день Страшного суда, ему будет нельзя тратить последние минуты на то, чтобы пересмеиваться с бывшей монашкой.

– А мне кажется, что ничего лучше и придумать нельзя! – решительно заявила Ишрак. – Лука – ладный юноша, который ищет свое место в жизни, а Изольда – милая девушка, которая только что освободилась от диктата семьи и мужских помыканий. Можно ли найти лучший вариант? Думаю, стоит провести свои последние дни влюбленными друг в дружку.

– Ты так говоришь, потому что не христианка, а язычница, – возмутился Фрейзе, указывая на ее шаровары, прикрытые широким плащом, и босые ступни, обутые в сандалии. – Ты не понимаешь, какие мы значительные персоны. Лука должен сообщать папе обо всех признаках грядущего конца света, обо всех проявлениях зла в нашем мире. Мой господин еще очень молод, но уже принадлежит к влиятельнейшему ордену. Тайному папскому ордену, Ишрак.

Она вздохнула:

– Увы, мне столь часто не удается осознать огромную важность мужчин! Спасибо, что попенял мне на мое невежество, Фрейзе.

Он услышал в голосе Ишрак смех и невольно восхитился ее неизменным чувством независимости.

– Но мы действительно важны, – проворчал он. – Мужчины правят миром, и тебе следует меня уважать, Ишрак.

– А разве ты не обычный слуга? – подразнила она.

– А ты кто? – парировал он. – Арабка-рабыня? Ученая? Еретичка? Служанка? Непонятно, кто ты такая. Животное наподобие единорога: всем доподлинно известно, что оно странное и удивительное, но на самом-то деле его мало кто видел – и, скорей всего, зверь этот ни к чему не пригоден.

– Возможно, – хладнокровно отозвалась Ишрак. – Но моя темнокожая красавица-мать вырастила меня в чужой стране, и я всегда понимала, кто я такая, даже если это другим было невдомек.

– Ты точно единорог! – воскликнул Фрейзе.

Она усмехнулась:

– Вероятно.

– Держись ты определенно как молодая женщина, которая твердо знает, что к чему. Как-то совсем не по-девичьи.

– Но и я не уверена, что нас ожидает в будущем, – мрачно призналась Ишрак. – Нам надо найти сына крестного отца Изольды, графа Владислава – и уговорить его, чтобы он убедил брата Изольды вернуть ей замок и земли. А если он не согласится нам помочь? Что нам тогда делать? И с чем Изольда вернется домой? К сожалению, ее влюбленность в Луку отнюдь не главная наша забота!

Изольда тем временем запрокинула голову и громко расхохоталась над чем-то, что прошептал ей Лука.

– Похоже, она места себе не находит от тревоги, – буркнул Фрейзе.

– Мы счастливы, иншалла¹, – ответила Ишрак. – Такой спокойной она не была уже много месяцев – со смерти своего отца. А вдруг ваш папа римский не ошибся – и конец света действительно близок? Почему бы нам просто не радоваться жизни и не забыть обо всех горестях?

Фрейзе ничего не ответил.

¹ Иншалла – молитвенное ритуальное выражение у мусульман, переводится как «если Бог пожелает». (Здесь и далее прим. ред.)

Пятый член их компании, брат Пьетро пришпорил свою лошадь и поравнялся с Ишрак и Фрейзе.

– На закате солнца мы доберемся до рыбацкого городка Пикколо, – произнес он. – Брату Луке нельзя ехать рядом с женщиной. Это выглядит...

Брат Пьетро замолчал, подыскивая нужное слово укоризны.

– Нормально? – нахально подсказала Ишрак.

– Весело, – поддержал ее Фрейзе.

– Неприлично, – вымолвил брат Пьетро. – В лучшем случае – слишком непринужденно и так, будто Лука не обещан церкви. – Он повернулся к Ишрак. – Вам обеим нужно ехать рядом, опустив головы и смотреть в землю, как подобает девицам с чистыми помыслами. Вам следует общаться только друг с другом – изредка и не повышая голоса. Брату Луке надо ехать в одиночестве, погружившись в молитву, или со мной, проводя часы за глубокомысленной беседой. А еще у меня есть послание...

Фрейзе хлопнул себя ладонью по лбу.

– Запечатанный приказ, а я про него совсем забыл! – возмущенно воскликнул он. – Значит, сейчас мы мирно едем себе по дорожке и предвкушаем отдых на постоялом дворе денька на два, но не тут-то было!.. Я рассчитывал поесть и покормить лошадей, но вдруг, откуда ни возьмись, появляется очередное послание, и нас снова отправляют расследовать Бог знает что!

– Нам поручена серьезная миссия, – сказал брат Пьетро. – И нам выданы запечатанные приказы, которые мне поручено вскрывать и читать в определенные моменты. Цель нашей поездки – что бы ни думали некоторые – вовсе не переезды от одного постоялого двора до другого и знакомства с женщинами, а обнаружение истинных признаков конца света и создание карты людских страхов. Я должен вскрыть пакет на закате и выяснить, что нам делать дальше и что нам предстоит расследовать.

Фрейзе вложил два пальца в рот и оглушительно свистнул. Обученные лошади послушно замерли возле соснового перелеска. Однако Лука с Изольдой развернули коней и поехали вперед, немного отдалившись от остальных.

Запах смолы в теплом вечернем воздухе был густым, как благовония. Под конскими копытами хрустели опавшие шишки, а тени всадников на светлой песчаной почве изрядно вытянулись в длину.

– Нам должны зачитать послание! – сообщил Фрейзе своему господину, указывая на брата Пьетро. – Сколько их у тебя еще спрятано? – любопытствовал он у брата Пьетро.

Тот не потрудился отвечать слуге и осторожно извлек из внутреннего кармана своего облачения кремовый пакет, скрепленный красным сургучом и лентами. Под взглядами своих спутников он сломал печати и развернул жесткий пергамент. Молча прочел содержимое письма, а затем еле слышно разочарованно вздохнул.

– Только не в Рим! – взмолился Фрейзе, который сторал от нетерпения. – Скажи, что нам нет нужды поворачивать обратно, возвращаться к прежней жизни и!.. – Он осекся на полуслове, поймав лукавый взгляд Ишрак. – Расследование требует немалых усилий, – поспешно уточнил он, – но мне не хотелось бы оставить его незавершенным. У меня есть понятие долга и обязательств.

– Ты готов на все, лишь бы не жить в монастыре и не трудиться на кухне поваренком, – проговорила Ишрак. – Но и я предпочитаю находиться здесь, а не служить компаньонкой даме, коротающей время в громадном замке. По крайней мере, сейчас мы свободны – и каждое утро просыпаемся, в нетерпении ожидая нового дня!

– Напоминаю – мы путешествуем не ради удовольствия, – сурово произнес брат Пьетро, игнорируя их реплики. – Нам приказано прибыть в рыбацкий городок Пикколо, сесть на корабль и отплыть в Сплит, а оттуда отправиться в Загреб.

Изольда сдавленно вскрикнула:

– В Загреб!

Лука протянул девушке руку, но молниеносно ее отдернул, вспомнив, что не имеет права к ней прикасаться... и этот жест выдал его с головой.

– Мы едем вместе! – с воодушевлением воскликнул Лука. – Все-таки мы не расстанемся!

Быстрый взгляд лазурных глаз Изольды остался незамеченным братом Пьетро – монах был всецело поглощен изучением письма.

– Нам надо справляться обо всем необычным, – вещал он. – Мы должны незамедлительно начать расследование, если нечто укажет на дела сатаны, возникновение людских страхов и извращений, противных человеческой природе. Сии знамения явно указывают на близкий конец света. – Он прекратил чтение и, свернув пергамент, обвел взглядом молодых людей. – Поскольку Загреб находится на дороге к Будапешту, а дамы утверждают, что им нужно попасть в Будапешт и увидеться с графом Владиславом, сам Бог повелевает, чтобы мы следовали тем же путем, что и наши спутницы.

Когда взгляд брата Пьетро упал на Изольду, та уже полностью овладела собой. Девушка потупилась, старательно не глядя на Луку.

– Конечно, мы будем рады вашему обществу, – смиренно проговорила она, – но это – известный паломнический путь. В ту сторону будут идти и другие верующие. Мы могли бы присоединиться к ним. Мы ни в коем случае не хотим вас обременять.

Сверкнувший взгляд Луки подсказал Изольде, что она отнюдь его не обременяет, но брат Пьетро успел ответить Изольде раньше других:

– Я бы посоветовал вам присоединиться к паломникам, которые направляются в Будапешт. Надеюсь, вскоре мы их встретим. Мы не можем быть для вас сопровождающими и опекунами. Нам поручена судьбоносная миссия, а вы – юные женщины, и если вы ведете себя скромно, то все равно невольно отвлекаете окружающих и сбиваете их с истинного пути.

– Но кое-кто спас наши шкуры у Витторито, – проговорил Фрейзе, кивая на Ишрак. – Она умеет сражаться, стрелять из лука и в медицине разбирается. Более полезного паломника найти трудно – да и более надежного товарища тоже! Ведь путешествие наше крайне опасное...

– Дамы отвлекают, – упрямо повторил брат Пьетро.

– Но они сами сказали, что оставят нас, когда найдут подходящую компанию паломниц, – вынес вердикт Лука.

Его охватило предчувствие счастья – ведь он проведет с Изольдой еще один вечер, а потом, возможно, второй, третий... Пусть это будет даже несколько вечеров – время уже не имеет значения! Радость Луки заметили все, а Изольда – в особенности. Ее синие очи встретились с его карими глазами – и теперь оба не могли отвести друг от друга влюбленного взгляда.

– И ты не спрашиваешь, что нам предстоит сделать в святом месте? – укоризненно осведомился брат Пьетро. – В храме Господнем? Ты не желаешь узнать о том, что местным священникам поступали сообщения о ереси, которую нам предстоит обнаружить?

– Да, конечно, – согласился Лука. – Ты должен просветить меня обо всем, брат Пьетро. Я изучу вопрос в мельчайших подробностях. Мне необходимо поразмыслить об этом. Я проведу тщательное расследование, а ты напишешь отчет и отправишь главе нашего ордена, который передаст его папе. Мы выполним свою работу, как приказал нам магистр нашего ордена. Да благословит нас Господь!

– И что самое хорошее, мы сможем славно поест в Пикколо! – жизнерадостно провозгласил Фрейзе и прищурился от лучей закатного солнца. – А позаботиться о том, чтобы нанять корабль, на котором поплывем в Хорватию, мы вполне успеем и завтра.

Пикколо, Италия, ноябрь 1453 года

Рыбацкий городок Пикколо оказался окружен со стороны суши высокими стенами с единственными воротами: их-то и было принято закрывать после захода солнца. Фрейзе огласил округу громким возгласом, вызывая привратника, но тот высунул голову в окошко и заявил, что путникам нужно уважать здешние правила. После вечернего колокола ворота закрываются на целую ночь, а значит, и непрошеным гостям можно даже в них не стучаться.

– Солнце только что село! – рассердился Фрейзе. – Небо совсем светлое!

– Но оно село, – фыркнул привратник. – Откуда мне знать, кто вы такие?

– Оттуда, что сейчас еще не темная ночь и тебе отлично видно, кто мы! – рявкнул в ответ Фрейзе. – А теперь впускай нас, а то тебе хуже будет, дружище! Мой господин – посланник Его Святейшества. Мы по важности можем сравниться с кардиналами.

Заворчав, привратник хлопнул окошко и спустился вниз. Ожидая его в меркнувшем золотом зареве, путники слышали, как мужчина горько сетует на свою тяжелую долю. Наконец привратник с трудом отодвинул вправо скрипучую створку. Лошади, цокая подкованными копытами, проехали под арку ворот.

Городок состоял из нескольких улочек, сбегających с холма к заливу. Путники сразу же спешили и повели лошадей по тропе к берегу, осторожно ступая по стесанному булыжнику. Ворота, в которые они въехали, находились на западном участке городской стены. В северной стороне, расположенной довольно высоко, имелась узкая калитка, которая закрывалась на засов – и точно такая же находилась на южной стороне.

Пробираясь к гавани и посеревшему морю, компания обнаружила единственный постоялый двор деревеньки – в здании были широко распахнуты двери, а в окнах мерцали яркие свечи.

Путники завели лошадей на двор конюшни и наказали конюху хорошенько накормить и напоить их, а затем отправились в гостиницу. Через полуоткрытые окна был слышен говор волн, плещущих о стены пристани. Ветерок приносил с собой манящий аромат соленой воды и чуть затхлый запах рыбацких сетей. Порт Пикколо оказался довольно популярным и шумным местом: в небольшой гавани стояла почти дюжина судов. Некоторые качались на якоре – на рейде, а другие были пришвартованы к причалу. Несмотря на слова привратника, жизнь в Пикколо ночью не замирала. Рыбаки неторопливо разбредались по домам, а пассажиры сходили со шлюпок, которые постоянно сновали взад и вперед. До Хорватии было меньше ста миль в восточном направлении: люди вваливались в гостиницу, дышали на пальцы и жаловались на ледяной ветер, который удлинит их плаванье на два дня и заморозит до мозга костей. Вскоре наступит зима, – твердили они, – и в плаванье будут пускаться только самые отчаянные.

Ишрак с Изольдой получили свободную комнатку, расположенную под покатой крышей здания. Под черепицей то и дело шныряли мыши – а может, и крысы – но это девушек не волновало. Они постелили на кровать дорожные плащи, а потом вымыли руки в глиняном тазике.

Фрейзе, Луке и брату Пьетро предстояло ночевать на чердаке еще с полдюжиной постояльцев, как и было принято делать в тех случаях, когда путников оказывалось чересчур много. Но им было не привыкать к трудностям. Брат Пьетро и Лука бросили жребий, определяя, кому достанется последнее место на широкой кровати. Лука проиграл и был вынужден обойтись соломенным тюфяком, брошенным на пол. Хозяйка извинилась перед Лукой (его привлекательная внешность и прекрасные манеры неизменно обеспечивали ему интерес со стороны

окружающих), однако добавила, что гостиница сегодня переполнена, а завтра будет еще хуже. Судя по слухам, в Пикколо должны были приехать десятки паломников.

– И как мы их накормим? – посетовала она. – Ладно, наварю им несколько котлов похлебки и подам ее с хлебом – пусть не жалуются.

– А куда они направляются? – спросил Лука, со стыдом признаваясь себе, насколько сильно ему не хочется, чтобы это оказался Загреб.

Он мечтал подольше побыть с Изольдой и был преисполнен решимости позаботиться о том, чтобы девушка никогда не присоединилась к дамам-паломницам.

– Говорят, в Иерусалим, – ответила хозяйка.

– Какой тяжелый путь! Сколько трудов! – воскликнул он.

Она ухмыльнулась.

– Такое не для меня, – заявила она. – С меня хватит того, что я каждый Божий день разделяю на кухне горы свежей рыбы! А что ваши дамы пожелают на ужин?

Путники оживились.

Фрейзе, который то прислуживал господам за столом, то садился есть с ними (в зависимости от размера гостиницы и необходимости помогать на кухне), хозяйка тоже отправила в обеденный зал. Юноша охотно сел ужинать вместе со своими друзьями.

Девушки встретили Фрейзе приветливыми улыбками. Он поклонился Изольде, обратив внимание на то, что ее светлые волосы скромно уложены под простым убором. Изольда старалась не поднимать на Луку свои синие глаза, а тот невольно бросал на нее частые взоры. Брат Пьетро, как обычно, произнес благословение. Лука с Изольдой присоединились к молитве.

Ишрак казалась немного рассеянной и сидела, погружившись в размышления. Она никогда не читала христианских молитв. Фрейзе, который украдкой подглядывал за ней сквозь раздвинутые пальцы, отметил, что во время благодарственных молитв Ишрак всегда вела себя исключительно тихо. В такие минуты она была задумчива и молчалива. Правда, к своему Богу она, похоже, тоже не обращалась. В ее скудных вещах не было особого коврика для коленопреклонений, и Фрейзе никогда не видел, чтобы Ишрак поворачивалась лицом к востоку. В этом, как и во многом другом, подумал Фрейзе, она оставалась персоной таинственной. Да уж, Ишрак явно не собиралась следовать правилам!

– Аминь! – выпалил Фрейзе, когда брат Пьетро наконец закончил молитву и хозяйка принесла путникам ужин.

Женщина превзошла саму себя и водрузила на стол пять блюд: два вида рыбы, вареную баранину, жестковатого печеного фазана и местное лакомство, питадин. Это оказался блин, в который завернули пряную начинку. Фрейзе из любопытства попробовал питадин и признал его превосходным. Хозяйка просияла и заявила, что если ему так понравился питадин, то Фрейзе может получать кушанье на завтрак, на обед и на ужин. Начинка менялась в зависимости от времени дня, а вот блин оставался неизменным. А еще им подали грубоватый черный хлеб – только что из печи, – местное сливочное масло и медовые лепешки на сладкое.

Путники сытно поужинали: в долгой поездке они проголодались, а теперь почувствовали себя легко и непринужденно. Даже брат Пьетро настолько подобрел от вкусной еды и дружеской атмосферы, что налил девушкам по стакану вина и пожелал им здравствовать.

После ужина дамы встали и пожелали спутникам доброй ночи. Ишрак поднялась в их спальню, а Изольда задержалась на лестнице. Лука встал и беззаботно направился к выходу с постоялого двора, причем оказался у начала лестницы как раз вовремя, чтобы еще раз попрощаться с Изольдой. Она чуть помедлила на второй ступеньке, держа в одной руке свечу.

Лука бережно положил свою ладонь поверх ее руки, лежащей на перилах.

– Итак, мы еще какое-то время будем путешествовать вместе, – проговорил он неуверенно, глядя на нее снизу вверх.

Она кивнула.

– Хотя я сдержу слово, данное брату Пьетро, и присоединюсь к женской компании, если она нам встретится, – напомнила ему Изольда.

– Только к подходящей, – уточнил он.

Изольда улыбнулась, и у нее на щеках появились ямочки.

– Она должна оказаться по-настоящему подходящей, – согласилась она.

– Обещай, что будешь делать выбор обдуманно.

– Я буду весьма осторожна, – ответила она со смеющимся взглядом, но тотчас понизила голос и добавила серьезным тоном: – Я не расстанусь с тобой так просто, Лука Веро.

– Я вообще не могу вообразить себе, что ты покинешь меня! – воскликнул он. – Совершенно не представляю себе, что по какой-то причине я не увижу тебя, когда проснусь рано утром... и не буду разговаривать с тобой днем. Теперь я не мыслю путешествия без тебя. Я понимаю, что веду себя глупо – ведь прошло лишь несколько недель. Но ты стала...

Лука замолчал. Изольда спустилась на ступеньку – и теперь они находились почти на одном уровне.

– Стала?.. – прошептала она.

– Необходимой, – признался Лука и тоже шагнул на ступеньку, так что они оказались рядом.

Сейчас они стояли столь близко друг к другу, что могли бы поцеловаться, если бы он придвинулся к ней еще на дюйм или если бы Изольда повернула к нему свое лицо.

Он медленно придвинулся к ней. Изольда приподняла голову...

– Давай обсудим кое-какие важные вопросы перед отходом ко сну, – сухо произнес брат Пьетро, замерев на пороге столовой. – Брат Лука! Ты не считаешь, что нам надо обговорить все и завтра утром отправиться в путь спозаранку?

Лука с тихим взгласом отвернулся от Изольды.

– Да, – произнес он. – Конечно. – Он шагнул в сторону брата Пьетро. – Конечно, ты прав. Доброй ночи, Изольда.

– Доброй ночи! – нежно отозвалась она.

Изольда провожала Луку взглядом, пока дверь в столовую за ним не закрылась.

Затем Изольда тихонько вздохнула и прижала пальцы к губам, как будто мечтала о том поцелуе, которому не суждено было произойти нынешним вечером. А уж если говорить начистоту, ему вообще никогда не следовало бы случаться.

* * *

Утром в порту было людно и суетно. Корабли, которые с самого рассвета находились в море, стремились занять места у причала. Судна, приплывшие первыми, успели причалить к пирсу, а другие швартовались уже к ним, забрасывая канаты с кормы и носа. Рыбаки переходили по сходням с одного борта на другой с громадными круглыми корзинами рыбы, и на их широкие плечи стекала вода. Добравшись до берега, они выставляли их во всей красе на привычные места, чтобы покупатели могли посмотреть на их улов.

В небе мельтешили чайки, налетающие на рыбные отбросы. Их пронзительные крики создавали непрекращающийся галдеж, белоснежные крылья сверкали в лучах утреннего солнца.

У стены возле гавани начался жаркий аукцион. Рослый мужчина называл собравшимся цены, а покупатели вскидывали руки или выкрикивали свои имена, когда сумма их устраивала. Победитель выходил вперед, платил деньги и грузил корзину с рыбой на телегу, чтобы увезти ее с побережья, или уносил по каменной лестнице в городишко – прямо на центральный рынок, находившийся на склоне холма.

Корзины, полные сардин, оказывались на берегу. Чешуя ярко сверкала между черной штриховкой, похожей на окислившееся серебро. Хозяйка постоянного двора спустилась вниз и купила две корзины, приказав конюху отнести их домой. Другие жительницы не спешили и дожидались, чтобы покупатели сбили цены – и лишь потом отдавали деньги за одну рыбку. Жены и дочери бежали к лодкам своих мужчин и отбирали из улова что-нибудь для сытного обеда и ужина. Некоторые рыбаки ставили на причал весы и, перевешиваясь через борт, бросали переливающийся улов на чашку. Затем они поднимали весы повыше и демонстрировали товар женщинам, а те подхватывали понравившуюся рыбку и отправляли к себе в корзину.

Гладкие кошки сновали между ногами покупателей и продавцов. Они надеялись, что скоро свежую добычу выпотрошат и почистят – ведь после этого отбросы доставались им. Над волнами продолжали кружиться и вопить чайки, холодный утренний свет сверкал на них столь же ярко, как на ослепительной чешуе. Казалось, воздух, суша и вода восхищаются морским богатством, отвагой рыбаков и доходным промыслом Пикколо.

Фрейзе расхаживал по суматошной пристани, вдыхая резкий запах водорослей и соли, здороваясь с самыми хорошенькими из рыбаков, обходя ящики с уловом и садки с омарами. Фрейзе наслаждался гомоном, весельем и энергией портовой жизни. Он ликовал, оказавшись далеко от молчаливого монастырского уединения, и пробирался сквозь толпу в поисках корабля, который бы отвез их на восток, в Сплит. Он уже поговорил с местным капитаном, но хотел найти еще хотя бы одного, чтобы сравнить цены.

– Пожалуй, эти ребята уже заметили меня и успели сговориться о цене, – ворчал он себе под нос. – Компания, едущая из Рима, две красивые дамы и церковный исследователь... Цена взлетит вдвое! Не говоря уже о кислой мине брата Пьетро. Я бы сам взял с него тройную цену – просто за то, что придется мучиться в его обществе!

Фрейзе замедлил шаг, принялся озираться по сторонам, и к нему тотчас стал ластиться рыжий котик. Фрейзе уставился на него.

– Голодный? – спросил он.

Мордочка вздернулась вверх, крошечный розовый рот приоткрылся в мяуканье. Не колеблясь, Фрейзе наклонился и поднял зверька правой рукой. Под мягкой шерсткой прощупывались ребра. Котенок был так мал, что его тельце целиком умещалось у Фрейзе на ладони.

Он тут же замурлыкал и весь завибрировал от гулко-го звука.

– Ладно, – проворчал Фрейзе. – Может, и для тебя здесь что-нибудь найдется.

В дальней части гавани – на каменной скамье, защищенной от прохладного ветра небрежно сложенной стеной, – сидела женщина. Она разделяла рыбу, бросая потроха на землю, откуда их подхватывали крупные пестрые кошки.

– Для тебя они чересчур велики, – сообщил Фрейзе котенку. – Надо сперва подрасти, чтобы сражаться за еду. – Потом он обратился к женщине: – Будь благословенна, сестра. Можно взять немножко для моего звереныша?

Не поднимая головы, она отрезала кусочек рыбьего хвоста и отдала Фрейзе.

– Надо иметь тугий кошелек, если задумал кормить бродячих животных, – осуждающе буркнула она.

– Не обязательно. Видишь: ты добра ко мне, а я добр к нему, – возразил Фрейзе и устроился на скамейке.

Посадив котенка к себе на колени, он отдал ему отрезанный ломоть. Тот с удивительной быстротой расправился с едой, начав с сочного края и закончив чешуйчатым концом.

– И ты собрался отдыхать тут целый день и любоваться котенком? Никаких дел нет? – осведомилась женщина у Фрейзе, когда котенок уселся поудобнее и начал умывать лапки розовым язычком.

– Эх, что-то меня память подвела! – выпалил Фрейзе, вскакивая и подхватывая котенка. – Есть у меня дело, и очень важное, между прочим! Спасибо тебе, сестра, благослови тебя Господь! А мне и впрямь пора!

Она подняла к нему лицо, испещренное мелкими морщинами.

– И что у тебя за срочное дело, если у тебя хватает времени и денег, чтобы покормить бездомного котенка?

Он рассмеялся:

– Я служу церкви и приставлен к одному молодому господину: ему сам папа римский поручил провести судьбоносную миссию! Он – талантливый юноша, ставший избранныком своего монастыря из-за способности к учению и пониманию всего... даже тайного и неизведанного. Он – исследователь, а я – его друг и слуга. Я служу Господу, сестра.

– Твой Бог не слишком ревнив, – произнесла она, ощеривая в улыбке почерневшие зубы. – Он не требует строго следить за временем.

– По Его воле не погибнет ни одна из малых птиц, – отозвался Фрейзе. – Благословляй Его и все меньшие создания, которые Он сотворил. Хорошего тебе дня!

Он сунул котенка в карман, где тот свернулся, зацепившись лапками за край ткани, так что его головка торчала наружу, и он мог наблюдать за дорогой.

Фрейзе снова нырнул в толпу и направился к пристани. Рыбаки ловко раскладывали сети для починки, снимали паруса с лодок и сворачивали канаты.

Вскоре Фрейзе отыскал капитана, готового переправить паломников в Сплит за разумную цену, однако тот был намерен отплыть не раньше полудня.

– Я до самого рассвета ловил рыбу. Хочу позавтракать и переодеться в сухое, а потом и вас повезу, – заявил капитан. – Отплываем в полдень. Услышите колокольный звон – бегите к судну.

Они пожали друг другу руки в знак заключенной сделки, и Фрейзе вернулся на постоянный двор. Сначала он заглянул в конюшню и велел конюхам приготовить лошадей к погрузке на корабль.

Фрейзе посмотрел в сторону гавани и подумал, что толпа на пристани увеличилась, хоть торговля и закончилась. У входа в гостиницу тоже обнаружилась группа любопытных юнцов, которые расхаживали по двору. В самой же конюшне – на стенке колодца и на крыльце расселась чуть ли не дюжина детишек. Пара из них вытащили из колодца ведро и хлебали воду из ладошек.

– Что вы здесь делаете? – спросил Фрейзе у шести мальчишек, которые были явно не старше двенадцати лет. – Где ваши родители?

Они ответили не сразу – сперва парнишки с печальным видом перекрестились.

– Мой отец на Небесах, – вымолвил самый высокий из них.

– Да благословит вас Бог, – произнес Фрейзе, решив, что перед ним – обычная компания сирот-попрошаек, которые сбились вместе ради безопасности.

Он пересек двор и зашел в гостиную через кухню. Хозяйка как раз вынимала из печи шесть увесистых караваев ржаного хлеба.

– Пахнет вкусно, – сказал Фрейзе одобрительно.

– Не мешайся под ногами! – бросила она. – До завтрака ничего не получишь.

Он засмеялся и прошествовал по узкому коридору к главной части постоянного двора, где обнаружил Луку и брата Пьетро. Они о чем-то разговаривали с хозяином гостиницы.

Услышав шаги Фрейзе, Лука встрепенулся.

– Наконец-то! На улице много народа?

– Толпа собралась изрядная, – ответил Фрейзе. – У вас что, ярмарка?

– Крестовый поход, – ответил хозяин гостиницы. – И нам придется как-то их накормить и отправить дальше.

– Ясно! Твоя жена вчера говорила, что ждет паломников, – заявил Фрейзе.

– Верно, – сказал хозяин. – Так и есть. И сейчас они заполнили весь наш Пикколо – соседи говорят, их сотни, если не тысячи. Это не простое паломничество: они направляются в одну сторону, словно армия. Настоящие крестоносцы!

– И куда они держат путь? – поинтересовался брат Пьетро.

Мужчина покачал головой:

– Понятия не имею. Их ведет предводитель, наверное, он что-то знает. А мне надо позвать священника: ему следует позаботиться, чтобы паломников разместили и накормили. И еще мне нужно предупредить нашего сеньора: он пожелает, чтобы их побыстрее отправили восвояси. Нельзя им здесь долго быть – кроме того, у половины из них вообще нет денег. Они по пути попрошайничают.

– Если они служат Богу, то Он их накормит! – благочестиво изрек брат Пьетро. – Я схожу с тобой к священнику – он должен понять, что паломникам необходимо оказать гостеприимный прием.

Лука задумался.

– Давай-ка выйдем на улицу, – предложил он Фрейзе. – Я слышал, что их конечная цель – Иерусалим.

Покинув постоялый двор, они обнаружили, что пристань заполнена мальчишками и девочками. Некоторые из них оказались босы, другие – одеты в лохмотья, и все были пропыленные и усталые. Большинство сидели без сил на булыжной мостовой, некоторые стояли и смотрели на море. Среди них не нашлось никого старше шестнадцати лет, а кое-кому, вероятно, недавно исполнилось шесть или семь.

Но количество детей не убывало – в воротах появлялись все новые и новые маленькие паломники. Привратник недоуменно таращил на них глаза, пытаясь изобрести предлог, чтобы закрыть створки и не пустить ватагу в Пикколо.

– Господи помилуй! – вырвалось у Фрейзе. – Что тут творится? Они же дети!

– Сюда идут еще, – сообщила ему Изольда из открытого окна. Она указала на север, поверх крыш домов – туда, где дорога спускалась с холма. – Я вижу их на дороге. Их несколько сотен.

– У них есть предводитель? Взрослый, который был бы у них главным? – громко спросил Лука, совершенно одурманенный видом ее распущенных волос и не до конца застегнутым воротом рубашки.

Изольда прикрыла глаза ладонью:

– Похоже, там нет никаких всадников, только очень много медленно бредущих детей.

Рядом с Фрейзе и Лукой крутилась какая-то маленькая девчушка. Неожиданно она плюхнулась на землю и расплакалась.

– Не могу больше! – всхлипывала она. – Устала. Не могу идти!

Фрейзе опустился рядом с ней на колени и ахнул. Ее ножки кровоточили от ссадин и мозолей.

– Конечно, тебе надо отдохнуть, – согласился он. – И о чем думал твой отец, когда тебя отпускал? Где ты живешь?

Ее личико моментально просияло, а сбитые ноги были забыты.

– Я живу с Иоганном Добрым, – пролепетала она.

Лука наклонился к ней.

– С Иоганном Добрым?

Она кивнула:

– Он привел нас сюда. Он поведет нас в Землю обетованную.

Двое юношей встревоженно переглянулись.

– А этот Иоганн, – продолжил расспросы Лука, – откуда он?

Она нахмурилась:

– Из Швейцарии, кажется. Бог послал его вести нас в поход.

– Из Швейцарии? – изумился Фрейзе. – А где он нашел тебя?

– Я работала на ферме под Вероной. – Рассказывая, девчушка вытянула руки и начала разминать ножки. Ее пальцы моментально покраснели от крови, но она не обратила на это никакого внимания. – Иоганн Добрый и его спутники пришли к ферме и попросили еды и разрешения переночевать в сарае, но мой хозяин был человек суровый, он их прогнал. Я дождалась, чтобы хозяин заснул, а потом мы с братом убежали и догнали Иоганна.

– Значит, твой брат тоже здесь? – спросил Фрейзе, прищурившись. – Он старше тебя?

Он может за тобой присмотреть?

Она покачала головой:

– Нет, он умер. У него началась лихорадка, и однажды ночью он испустил дух. Мы оставили его в каком-то поселении. Крестьяне пообещали похоронить его на церковном кладбище.

Фрейзе крепко ухватил Луку за ворот и оттащил от девочки.

– Что за лихорадка? – с подозрением спросил он.

– Не знаю. Это случилось давно – много недель тому назад.

– Где вы были? Что было за поселение?

– Не знаю. Но это и не важно: я не должна горевать, ведь я снова встречу с братом, когда он восстанет из мертвых. Иоганн пообещал мне, что мой братик встретит меня в Земле обетованной, где мертвые будут живы, а грешники сгорят.

– Иоганн сказал, что мертвые восстанут? – переспросил Лука. – Восстанут из могил и мы опять их увидим?

У Фрейзе имелся наготове другой вопрос:

– А кто позаботится о тебе, если твой брат умер?

Девочка пожалала худенькими плечиками, как будто ответ был совершенно очевидным.

– Господь, – ответила она. – Он позвал меня, и Он меня ведет. Он ведет всех нас, а Иоганн говорит нам, чего Он хочет.

Лука выпрямился.

– Я бы хотел побеседовать с Иоганном, – объявил он.

Девочка встала, морщась от боли в стоптанных ногах.

– Вон он, – спокойно вымолвила она и указала на группу мальчишек, которые гурьбой прошли в ворота.

Теперь они прислоняли палки к причальной стенке и бросали на булыжники дорожные мешки.

– Позови брата Пьетро! – отрывисто приказал Лука Фрейзе. – Пусть он записывает все речи этого парня. Нам нужно понять, что здесь творится! Возможно, это истинный призыв.

Фрейзе кивнул и мягко положил руку девчушке на плечо.

– А ты не уходи далеко, – сказал он. – Когда я вернусь, то помою тебе ножки и найду для тебя хорошую пару обуви. Как тебя зовут?

– Роза, – ответила девчушка. – Но с моими ногами нет ничего дурного. Бог их исцелит.

– Я Ему помогу, – твердо возразил Фрейзе. – Он любит, чтобы люди Ему немного помогали.

Она по-детски захихикала над таким нахальным заявлением.

– Он же всемогущий, – серьезно напомнила она.

– Но Ему тоже необходима помощь мирян, – ответил Фрейзе, тепло ей улыбаясь.

Затем он развернулся и побежал по улочке к рыночной площади, где находилась церковь с широкой каменной папертью.

Лука пристально наблюдал за маленькими паломниками. Когда Фрейзе начал подниматься вверх, перепрыгивая через ступеньки, дверь храма распахнулась, и на пороге показался брат Пьетро.

– Тебя зовет Лука! – коротко бросил Фрейзе. – Он хочет, чтобы ты вел записи, пока он будет общаться с юнцом, который возглавляет целую ораву паломников. Они называют его Иоганном Добрым.

– Расследование уже началось? – возбужденно уточнил брат Пьетро.

– О да! Происходит нечто странное.

Брат Пьетро побежал вместе с Фрейзе обратно к пристани – и оба увидели, что народу прибавилось. Каждую минуту через городские ворота заходили паломники. Среди них были не только дети лет девяти-десяти, но и юноши – подмастерья, сбежавшие от мастеров, или батраки, бросившие плуг. Группка девочек плелась последней: они шли парами, держась за руки, словно направлялись в школу. Лука предположил, что на каждом ночлеге более маленькие и слабые дети нагоняли остальных... а иногда кто-то никого и не догонял.

– Здешний священник – хороший человек, и у него есть деньги, чтобы купить им еды, – сказал брат Пьетро. – А в монастыре пекут хлеб, братья вынесут подносы на рыночную площадь и раздадут караваи всем желающим.

– Это паломничество детей, которое возглавил юноша! – объяснил Лука. – По-моему, нам надо его допросить.

Брат Пьетро кивнул.

– Возможно, он получил призвание, – осторожно предположил он. – Или же сатана соблазнил его на то, чтобы украсть детей у родителей. Так или иначе, главе нашего ордена следует узнать про данный загадочный случай. Нам надо во всем разобраться и быть начеку!

– Он говорит, что мертвые восстанут, – заявил Лука.

Восставшие мертвецы являлись ключевым признаком конца света: когда могилы отдадут тела усопших, начнется Страшный суд.

Брат Пьетро заметно удивился:

– Он проповедует конец света?

– Именно, – мрачно подтвердил Лука.

– И который из них – Иоганн?

– Тот малый, – ответил Лука и принялся пробираться мимо усталых путников к пареньку, который стоял в некотором отдалении, склонив голову в молитве. – Малышка назвала его Иоганном Добрым.

Внезапно через ворота к бухте двинулось столько детей, что Луке оставалось только стоять и ждать, чтобы они прошли. Ему показалось, что их число сравнялось с семью сотнями: большинство были измучены и голодны, но все выглядели полными надежды, а некоторые – одухотворенными. Похоже, ими двигала святая решимость идти дальше.

Фрейзе увел малышку по имени Роза на кухню постоянного двора, чтобы вымыть ей ноги. Лука подумал, что среди паломников находятся сотни таких же девочек, которые едва могут продолжать путь и о которых некому заботиться – но всеми ими движет совсем не детская уверенность в том, что их призвал Господь.

– Вероятно, случилось чудо, – пробормотал брат Пьетро, которому удалось пробиться сквозь море детей к Луке. – Я подобное видел раньше, но лишь единожды. Когда Бог призывает паломников и Его люди откликаются – это чудо. Но нам надо понять, сколько их, куда они направляются и чего надеются добиться. Они могут быть целителями, провидцами или обладать иным даром, например изъясняться на разных языках. Но также они могут ужасно заблуждаться, Лука! Папа пожелает узнать все об их предводителе и о том, что он проповедует.

– Иоганн Добрый, – повторил Лука, – из Швейцарии, по словам Розы. Нам надо поторопиться!

Юный паренек будто почуял, что о нем говорят. Он стоял возле ворот, через которые проходили его последователи, и мигом поднял голову, одарив Луку и брата Пьетро ослепительной улыбкой. Ему, наверное, уже исполнилось пятнадцать лет, и его длинные белокурые волосы ниспадали на плечи взлохмаченными локонами. У него оказались пронзительные голубые глаза, а одет он был как швейцарский пастух: в короткую тунику поверх толстых рейтуз, перетянутую крест-накрест шнуровкой. На ногах у Иоганна красовались прочные сандалии. В руке он держал изогнутый пастушеский посох, украшенный крестами, вырезанными на дереве.

Иоганн поцеловал распятие, прошептал молитву – и направился к Луке и брату Пьетро.
– Да благословит и убережет вас Бог, господа, – произнес он.

Брат Пьетро, привыкший раздавать благословения, а не получать их, чопорно отозвался:

– И тебя да благословит Бог. Что тебя сюда привело?

– Господь, – ответил юнец. – А вас?

Лука с трудом справился со смехом при виде изумления брата Пьетро, которому задал вопрос мальчишка.

– Мы тоже исполняем волю Господа, – сказал он. – Мы с братом Пьетро проверяем благополучие христианского мира. Сам папа римский поручил нам проводить расследования и отчитываться ему.

– Надвигается конец света, – сообщил им парнишка. – Христианский мир уже никогда не будет прежним. Настали последние дни. Я видел знаки. Его Святейшество знает о знамениях?

– Что за знаки ты видел? – напрямую спросил Лука.

– Достаточно много, чтобы не сомневаться, – ответил Иоганн. – Вот почему мы отправились в путь.

– Что ты видел? – повторил Лука. – Что именно?

Иоганн вздохнул, словно чудеса ему надоели.

– Очень много всего, господа. Но сейчас мне надо поесть, а потом помолиться всей семьей. Здесь собрались мои братья и сестры. Мы предстанем пред очами Господа. Мы пределали долгий путь, но нам предстоит пройти еще больше.

– Мы хотим с тобой побеседовать, – заявил брат Пьетро. – Нам поручено выведать, что именно ты видел. Его Святейшество захочет узнать все о твоих прозрениях. Нам надо определить, истинны ли твои видения.

Паренек небрежно кивнул. Похоже, чужое мнение не имело для него никакого значения.

– Может быть, позже. Прошу меня простить, но люди часто спрашивают меня о том, что я видел. А меня бранный мир не интересует, хотя и здесь я тоже буду проповедовать. Я встану на ступенях, ведущих в храм, и обращусь к жителям городка с проповедью. Вы можете прийти и послушать, если пожелаете.

– Ты принял сан? Ты служишь церкви? – осведомился брат Пьетро.

Парнишка улыбнулся и указал на свою бедную одежду и пастушеский посох.

– Меня призвал Господь, Его церковь меня не учила. Я – простой пастух. Он почтил меня своим призывом, как когда-то почтил рыбаков и других бедняков. Он говорит со мной, – пояснил Иоганн. – Иных учителей мне не нужно.

Он повернулся и осенил крестным знамением группу юных паломников, которые вошли в ворота с пением псалма. Окружив его, дети уселись на булыжной мостовой пристани – они вели себя так непринужденно, будто находились у себя дома.

– Не хочешь позавтракать с нами на постоялом дворе? – попытался соблазнить его Лука. – Ты смог бы отдохнуть и рассказывать нам о своем путешествии.

Парнишка на секунду прищурился.

– Ладно, – согласился он.

Он повернулся и быстро сказал что-то мальчишке, который был поблизости. Тот кивнул, и компания паломников моментально занялась делом. Развязав походные мешки, дети начали есть скудный завтрак, который принесли: хлебцы и тонкие ломтики сыра.

Правда, другие паломники – те, у которых ничего не было, – уныло сидели на месте и не шевелились. Вероятно, от усталости они не чувствовали даже голода.

– А твои спутники? – поинтересовался Лука у Иоганна.

– Господь о них позаботится, – твердо ответил юнец.

Лука покосился на брата Пьетро.

– Местный священник принесет им еды: в аббатстве пекут хлеб, – сообщил брат Пьетро довольно сухо. – А ты, видимо, с ними не постишься.

– Я не сомневаюсь в том, что Господь даст им пропитание, – заявил Иоганн. – И ты только что подтвердил это своими речами. Вы пригласили меня на завтрак, значит, Бог позаботился и обо мне. Как же мне не полагаться на Него и не благословлять Его Имя?

– Действительно, как? – ледяным тоном проговорил брат Пьетро и направился к постоялому двору.

* * *

Ишрак и Изольда не присоединились к своим спутникам за завтраком. Девушки заглянули в столовую, где уже сидел юный Иоганн, а затем забрали свои порции наверх и устроились у окна, наблюдая за происходящим в бухте. Дети были повсюду: самые маленькие и слабые тащились последними, едва переставляя ноги. Их изношенная одежда давно превратилась в лохмотья и свидетельствовала о том, что они пришли из самых разных мест. Изольда увидели, что среди паломников есть и дети из рыбацких поселков, расположенных севернее по побережью. Они щеголяли в грубых рубахах, которые обычно носили местные жители. Но были в числе последователей Иоганна и дети с ферм – в накидках и рейтузах пастухов. Нашлось и немало девочек, одетых как служанки, в платьях из грубой шерсти и кожаных передниках. Изольда подтолкнула локтем Ишрак, заметив, как в Пикколо вошли три девочки в одежде послушниц монастыря, с четками в руках и склоненными покрытыми платами головами. Пару минут спустя послушницы прошествовали прямо под их окнами.

– Наверняка бедняжки сбежали из монастыря!

– Как и мы, – согласилась Ишрак. – Но куда они направляются?

Тем временем в столовой юнец безмолвно помолился, перекрестил хлеб и с аппетитом умял плотный завтрак, который принес из кухни Фрейзе. Поев, парнишка прочел длинную благодарственную молитву и коротко поблагодарил Луку. Брат Пьетро достал из походной шкапки пергамент и обмакнул перо в чернильницу.

– Я должен отправить отчет моему господину, который, в свою очередь, доложит Его Святейшеству, – объяснил он Иоганну, который недоуменно таращился на брата Пьетро. – Если твое паломничество благословил Бог, то Его Святейшество пожелает узнать, чем это доказано. Если он сочтет тебя призванным, он тебя поддержит. А если нет – ему тоже следует о тебе знать.

– Он благословил меня, – вымолвил паренек. – Неужели мы бы смогли преодолеть столько дорог, если бы нас не вел сам Господь?

– И какой же путь ты прошел? – осторожно поинтересовался Лука.

– Я пас коз в кантоне Цюрих, когда услышал глас Божий, – без прикрас произнес юнец. – Он сказал, что на востоке произошло нечто страшное. Нечто гораздо худшее, чем Великий потоп, в котором сгнули все, кроме Ноя. Он сказал, что неверные из Оттоманской империи двинулись на христианский мир могучим людским потоком, захватили Константинополь, наш святой город, сердце восточной церкви, и разрушили его. Ведь это правда?

– Правда, – кивнул Лука. – Но любой бродячий торговец мог бы сообщить тебе про Константинополь. Его захватили в мае нынешнего года.

– Но в горах не бывает бродячих торговцев, – терпеливо возразил Иоганн. – Каждое утро я уходил из деревни и уводил коз по тропам в луга повыше, где трава свежая и сочная. Я отлично знал все места – ведь я с детства присматривал за ними. Иногда я играл на дудке, а порой лежал на спине и любовался облаками. Когда солнце касалось ветвей серебристой березы, я съедал хлеб с сыром, которые мать давала мне, увязав в тряпицу. Каждый вечер, когда солнце садилось, я гнал стадо обратно в деревню и разводил по соседским сараям и загонам. Я никого не видел, ни с кем не общался. Моим единственным спутником был ангел. Но однажды со мной заговорил Господь – Он сказал мне, что неверные захватили святую церковь в Константинополе. Он говорил мне многое – например, что море поднялось столь высоко, что затопило землю и оттоманы проплыли на лодках через высокий мол, а затем прошли по суше, обосновавшись прямо в гавани. А еще Он сказал, что величайший храм мира, названный Айя София, находится в руках неверных. Они превратят его в мечеть, разрушат алтарь и осквернят освященные приделы... Вот он – истинный знак конца света! Это правда или нет?

– Да, оттоманы захватили храм, – взволнованно подтвердил Лука. – И город.

– А священники молились у алтаря как раз тогда, когда неверные ворвались внутрь и убили их? – спросил Иоганн.

Лука бросил быстрый взгляд на брата Пьетро.

– Они служили мессу до последнего момента, – произнес брат Пьетро.

– А их галеры с гребцами прошли по суше?

– Такое невозможно! – вмешался Лука.

– Постой! – перебил его брат Пьетро. – Наши враги применили военную хитрость. Они поставили галеры на громадные катки и пропихнули их по перемычке во внутреннюю гавань. Сам дьявол подсказал им оставить гребцов на веслах, а барабанщиков отбивать ритм, поэтому казалось, что они гребут по воздуху. Люди были охвачены ужасом – они думали, что флотилия галер плывет прямо по дороге.

Лука изумленно покачал головой: прежде он не слышал о подобных деталях. А Иоганн кивнул, как будто лично видел и пугающее зрелище, и последовавшее затем святотатство.

– Господь говорил мне, что неверные принесут бесчинства во все поселения мира. Они уже выжгли Грецию и продвинулись дальше. Ничто их не остановит! Он сказал, что они явятся и в мой кантон, и в другие поселения Швейцарии. Их ведет юноша, который немного постарше меня. Правда?..

Лука посмотрел на брата Пьетро.

– Султану Мехмету девятнадцать лет, – ответил монах.

– Господь сказал мне, что началась война юнцов и детей. Неверных ведет юноша. Я услышал призывание. Я понял, что должен оставить свой дом.

Слушатели Иоганна затаили дыхание.

– Я взял посох, дорожную суму и попрощался с отцом и матерью. Меня провожали все жители деревни. Они поняли, что меня направил Господь.

– С тобой еще кто-нибудь ушел?

Иоганн покачал головой и уставился в окно, словно увидел в тусклых пластинах из рога нищету своего родного кантона. Наверное, там были грязные улочки и хлипкие дома, в которых уныло прозябали крестьяне, с трудом добывающие хлеб насущный на тощей горной земле. Каждую зиму они страдали от голода и холода и даже летом помнили, что лютые морозы наступят снова. Они знали, что ничего никогда не изменится – жизнь будет идти той же чередой суровых зим и солнечных весен в безжалостном неизменном круге. Услышав весть о наступлении турок, они быстро уразумели, что мир внезапно стал еще хуже – и это было только началом...

– Дети присоединялись ко мне по пути, – нарушил паузу Иоганн. – Они слышали мои проповеди и верили мне. Каждый из нас знает, что близится конец света. Мы хотим быть в Иерусалиме в Судный день.

– Ты считаешь, что направляешься в Иерусалим? – выпалил Фрейзе, застывший на пороге. – Ты ведешь детей в Иерусалим?

Паренек улыбнулся.

– Бог ведет их в Иерусалим, – поправил он Фрейзе. – Я лишь сопровождаю их и нахожусь с ними рядом.

– Значит, Бог выбрал весьма странную дорогу, – по-хамски заявил Фрейзе. – Зачем Он отправил вас в восточную часть Италии? Почему бы не пойти в Рим и не получить помощи? Почему бы не сесть на корабль, заручившись поддержкой папы римского? Зачем изнурять маленьких детей?

Реплика Фрейзе, похоже, чуть смутила парнишку.

– Но я не выбираю дорогу. Я иду туда, куда мне велит Господь, – произнес он и посмотрел на брата Пьетро. – Мне указывают путь на ходу. Кто этот человек, задающий вопросы?

– Слуга брата Луки, – раздраженно ответил брат Пьетро. – Ты можешь не отвечать. Он в расследовании не участвует.

– Ах, я, конечно же, прошу прощения, если вас прервал, – громко сказал Фрейзе и криво усмехнулся. – А не раздать ли мне ваши объедки на улице? По-моему, твои последователи скоро умрут от голода. А от завтрака остались куски мяса и нетронутый хлеб. Думаю, ты уже сыт.

Иоганн отдал Фрейзе свою тарелку и корзинку с хлебом, даже на них не взглянув.

– Бог нас питает, – добавил он. – Отдай им еду вместе с моим благословением.

– И присмотри, чтобы присланный из монастыря хлеб раздали справедливо, – приказал Фрейзе брат Пьетро.

Тот кивнул и ушел, протопав в сторону кухни.

Брат Пьетро опять повернулся к юнцу. – А как твоё имя?

– Иоганн Иоганнсон.

– А возраст?

– Кажется, мне почти шестнадцать. Точно не знаю.

– Ты не видел чудес и ничего не слышал до нынешнего года?

Иоганн улыбнулся:

– Мне случалось слышать пение в колокольном звоне у нас в деревне, – поведал он. – Когда звонили к обедне, колокола окликали меня по имени, словно Господь звал меня к Своему столу. А иногда, когда я летом пас коз на высоких лугах, я внимал чудесным голосам – и они тоже окликали меня по имени. На самом высоком лугу меня навещал ангел. Я знал, что меня будет ожидать нечто очень важное. Однако я даже не мог вообразить, что я должен буду делать. Господь сказал мне о конце света, когда я был один в горах, – и я задумался, что мне делать с полученным знанием. Я поговорил с нашим священником: он предположил, что, вероятно, это было откровение, но нам надо еще немного подождать. Сперва мы не могли поверить, что ужасная весть о Константинополе правда, а не вымысел. Нас пугало то, что столь великий город может превратиться в прах. Но в воскресенье я встретил на базаре бродячего торговца – он встал на деревенской площади и со слезами на глазах объявил нам, что Рим Востока пал. Город, который держался, сколько было возможно, оставаясь светом во тьме, когда тьма сгустилась, сдался и не устоял перед оттоманскими турками! Тогда-то я и понял, что мое видение – истинное, а голос, который я слышал, был гласом Божьим. Я осознал, что близится конец света, и я должен идти в Иерусалим.

– Ты услышал о падении Константинополя задолго до того, как торговец рассказал про оттоманов на рыночной площади? – уточнил брат Пьетро и сделал пометку на пергаменте. – Ты сообщил о своем видении местному священнику?

– Да, – искренне ответил паренек.

– Ты уверен, что говорил священнику о конце света до прихода торговца? – допытывался брат Пьетро.

Паренек кивнул, не утруждая себя ответом.

– И как ты собираешься попасть отсюда в Иерусалим? – осведомился Лука.

– Господь сказал, что море перед нами высохнет, – простодушно вымолвил парнишка. – Так ведь было с детьми Израиля, верно? Мы дойдем до южной оконечности Италии, волны расступятся, и мы направимся в Святую землю.

Лука и брат Пьетро удивленно переглянулись. Похоже, Иоганн ни в чем не сомневался.

– Но вам предстоит очень длительное путешествие, – мягко проговорил Лука. – Ты знаешь маршрут и сколько вам надо еще пройти?

– Не важно, насколько трудным и долгим будет мой путь, – парировал юнец. – Меня ведет Бог, а не придорожные столбы или мирские карты. Я иду в вере, я не игрушка в руках тех, кто рисует карты и пытается измерить мир. Я следую гласу Господа и не полагаюсь на грешных людей.

– И что ты будешь делать, когда окажешься в Иерусалиме? – спросил брат Пьетро.

– Это – не крестовый поход оружия, а крестовый поход детей, – охотно признался паренек. – На Святой земле к нам присоединятся отроки Иудеи. К нам придут турецкие отроки и чада арабов – и вместе мы будем служить Единому Господу. Если в тех несчастных землях еще живы христианские дети, то они тоже станут нашими последователями. Они все объяснят своим отцам и матерям – и тогда наступит мир. Дети врагов принесут на землю покой. Затем Иисус явится в Иерусалим и настанет конец света.

– Ты прозрел все это в видении? – продолжал сыпать вопросами брат Пьетро. – Ты уверен?

Юнец посмотрел на монаха – в глазах Иоганна пылала убежденность.

– Да, – произнес он. – Ведь ко мне уже присоединилось столько детей! Они убегают из деревень и с ферм. Они покидают грязные мастерские и улицы греховных городов. Они приводят своих братьев, сестер и друзей. Они приходят из разных стран, они идут, даже если не понимают моего языка, поскольку и с ними говорит Господь. Иудейские и арабские дети – они тоже будут вместе с нами. – Иоганн замолчал и, как простой мальчишка, вытер рот рукавом. – Я вижу, вы поражены, господа мои, но так оно и есть. Крестовый поход детей изменит мир.

Воцарилась тишина, но в следующую минуту он заявил:

– А теперь мне надо помолиться с моими братьями и сестрами. Можете присоединиться к нам, если захотите.

Иоганн встал, взял свой посох и направился к двери.

– А как расступятся волны? – любопытствовал Лука.

Иоганн широко раскинул руки в стороны.

– Как и прежде – во времена Моисея! – воскликнул он. – Волны покорно разойдутся перед нами, и мы узрим под ногами древнее морское дно. Мы увидим обломки кораблей, лежащие на дне, и будем на ходу подбирать сокровища. Мы сможем собирать жемчужины, словно цветы. Мы пройдем посуху до самой Палестины! – Он умолк. – Будут петь ангелы! – радостно добавил он.

И юнец покинул комнату. Лука и брат Пьетро озадаченно переглянулись.

– Какой необычный юноша! – воскликнул Лука, отодвигая свой стул от стола. – У него есть дар, вот чего никак нельзя отрицать! – Лука поежился и потер ладонью затылок. – У меня

даже волосы дыбом встали. Но я ему верю. Я полностью убежден. Мне хотелось бы следовать за ним. Если бы я услышал его ребенком, то бросил бы плуг на поле и побежал бы за ним!

– Обаятельный предводитель, – заключил брат Пьетро. – Но я не могу определить, кто он: мечтатель, пророк или лжепророк. Надо послушать его проповедь и еще его порасспрашивать. Мне необходимо немедленно сообщить обо всем милорду. Дело срочное.

– Ему важно узнать про деревенского паренька?

– Про паренька и про крестовый поход. Это может оказаться очередным признаком конца света. Милорд должен быть в курсе. Ведь если они доберутся до Палестины и сделают хотя бы половину обещанного, Оттоманской империи придется потрудиться, чтобы с ними справиться. Для оттоманов детский Крестовый поход станет самым страшным кошмаром, поступившимся прямо в их двери. Если шайка детей будет настолько большой, их надо будет охранять... либо арестовать их... а может, и допустить в святые места. В любом случае юные паломники могут все перевернуть. Послушай меня, Лука! Они могут оказаться могущественным оружием, которое мы направим против наших врагов. Мы не сумели бы придумать такое средство, но, похоже, что они – сильнее любой христианской армии, состоящей из взрослых солдат. Если Иоганн действительно станет проповедовать турецким детям и если они присоединятся к нему в христианском Крестовом походе, то наш мир уже точно никогда не будет прежним!

– Ты действительно считаешь, что они доберутся до Иерусалима?

– А кто бы подумал, что они способны добраться до Пикколо? А они смогли, причем тысячами.

– Думаю, сотнями точно, – осторожно согласился Лука.

– У мальчишки – куча последователей. Скольких еще он сумеет привлечь по дороге на юг?

– Но ты же не думаешь, что море перед ними расступится? – поинтересовался Лука. – Как такое возможно?

– А ты веришь, что Красное море расступилось перед детьми Израиля? – задал ему вопрос старший спутник.

– Я должен верить в чудеса. В Библии ясно сказано, что так и случилось. Сомневаться в этом было бы ересью.

– А почему бы чуду не повториться?

Лука потрянул головой.

– Наверное, ты прав. Но... – Он не закончил фразу. – Я не могу понять, что это возможно. Не сомневайся в моих убеждениях – я верю Библии как должно. Я не отрицаю ни единого ее слова. Но море, которое обнажит свое дно? И дети, идущие до Палестины посуху? Реально ли такое?

– Надо хорошенько об этом подумать. А если море перед ними не расступится, тогда, вероятно, наш милорд снабдит их кораблями.

– Зачем ему себя утруждать? – Лука прикусил язык, заметив, как возбужден брат Пьетро. – Цель нашего расследования – конец света... или орден больше заинтересован в победе над оттоманами? Мы ищем истину или куем оружие?

– И то и другое, разумеется! – воскликнул брат Пьетро. – И то и другое неизменно, Лука, поверь мне! Конец света наступит, когда оттоманы войдут во врата Рима, и в этот миг мертвые восстанут из могил для суда. Нам с тобой поручено проехать по христианскому миру, ища знамения и признаки явлений сатаны, но нам нельзя и забывать об армии Оттоманской империи. Неверные в Иерусалиме и пришествие Иисуса с Небес – все это и одно и то же! Вот они – явные признаки последних времен, Лука! Нам надо определить, когда именно это случится. А дети-паломники могут оказаться знаком – я действительно считаю их знамением. Нам нужно написать милорду и разузнать как можно больше.

* * *

Лука постучался к Изольде. Услышав его голос, она тотчас широко распахнула дверь.

– Я не смогу задерживаться, – посетовал он. – Но я хотел предостеречь Ишрак.

Смуглая девушка появилась позади Изольды.

– Меня?

– Да. Ведь вы обе видели детей-паломников? Их предводитель – юноша по имени Иоганн Добрый. Он организовал Крестовый поход. Детей в Пикколо уже более нескольких сотен, а может, и тысяч. Они направляются на юг, к Иерусалиму, дабы победить неверных.

– Мы видели паломников из окна: они показались нам очень измученными.

– Да, но они твердо уверены, что идут в Палестину. Все они истово верят в то, что это – могучий Крестовый поход, знаменующий конец света. Им известно о разграблении Константинополя. Именно поэтому, Ишрак, тебе надо быть осторожной. Тебе не следует облачаться в арабскую одежду. Вдруг они на тебя накинутся? Не знаю, что им придет в голову.

– Значит, мне уже нельзя носить мою собственную одежду? Мне что – отказаться от своего наследия?

– Да, пока здесь находятся маленькие паломники. Носи то же, что предпочитает госпожа Изольда.

Ишрак пристально посмотрела на Луку своими темными глазами.

– А что мне делать с моей арабской кожей?

Лука покраснел.

– Она – чудесного цвета, Ишрак. Бог свидетель – мало кто из женщин сравнится с тобой в красоте. Твои щеки – оттенка верескового меда, а глаза – темные как ночь, – с жаром произнес он. – Но тебе нельзя надевать шаровары, тунику и накидку. Дождись, пожалуйста, когда паломники покинут Пикколо. А когда сядем на корабль и уплывем отсюда, ты сможешь поступать как хочешь. Но сейчас тебе надо одеваться, как госпожа Изольда, как женщина-христианка – ради твоей же безопасности.

– Она так и сделает, – заявила Изольда, прерывая возражения Ишрак. – Тебе это не настолько важно, Ишрак: ты носишь мои платья не реже, чем свои шаровары. Ты ничего не докажешь, надев арабский костюм. – Она повернулась к Луке. – Мы ведь отплываем в полдень?

– Нет. Сперва нам нужно поговорить с Иоганном и паломниками и отправить отчет в Рим. Брат Пьетро считает, что их ведет Бог. Но определенно, если им удастся добраться до Иерусалима – с Его помощью или без нее, – они станут для неверных громадной проблемой.

– Они продолжают паломничество уже сегодня?

– Вероятно, они отправятся в путь во второй половине дня. Местные жители дадут им съестные припасы, деньги и отправят дальше. А еще их накормят монахи здешнего монастыря. Дети твердо намерены двигаться вперед. Удивительное паломничество: я рад, что его увидел. Разговор с этим пареньком, Иоганном, окрыляет. Признаюсь, будь я свободен, я бы тоже присоединился к ним.

– Ты считаешь, что они действительно попадут в Иерусалим? – изумилась Ишрак.

– А кто бы подумал, что они смогут добраться до Пикколо? Дети под предводительством юнца, который даже не знает, где находится Иерусалим? Брат Пьетро считает, что они – живое свидетельство тех знамений, которые указывают на конец света. Я в этом не уверен, но вынужден считать происходящее чудом. Иоганн – невежественный деревенский парень из Швейцарии, но он оказался в Италии, на пути в Иерусалим. Налицо – доказательства Промысла Господа!

– Но ты не уверен, – подметила Ишрак.

Лука пожал плечами:

– Иоганн утверждает, что море перед ними расступится... и я не могу себе представить ничего подобного. Это было бы чудом здесь и сейчас – но я не могу понять, как такое может случиться. Но, вероятно, они дойдут до Мессины, и кто-нибудь одолжит им корабли. Есть множество способов добраться до Иерусалима, не замочив ног. И существуют другие чудеса, не менее внушительные, чем расступившееся море.

– По-твоему, Иоганн найдет дорогу в Мессину? – недоверчиво уточнила Ишрак.

Лука нахмурился.

– Христианство – не твоя вера, Ишрак, – произнес он чуть враждебно. – Похоже, ты не желаешь поверить маленьким паломникам. Ты считаешь их дураками, которых ведет обманщик. Но Иоганн обладает немалыми способностями. Он знает такие вещи, которые мог получить только путем откровения. Он утверждает, что с ним говорит Бог – и я верю ему! Он преодолел столько трудностей на своем пути!

– А можно и нам его послушать? – спросила Изольда.

Лука кивнул:

– Иоганн собирается проповедовать сегодня днем. Если вы покроете головы и наденете плащи, то можете к нам присоединиться. Думаю, половина местных жителей соберется послушать Иоганна.

* * *

Изольда и Ишрак в серых платьях и коричневых плащах вышли из дверей постоянного двора и направились к мощеной пристани. Большая часть судов стояла в гавани, качаясь на волнах. Рыбаки чинили сети, сворачивали канаты или штопали порвавшиеся паруса. Изольда и Ишрак не обращали внимания на свист и окрики мужчин, приметивших стройных девушек и предположивших, что под капюшонами прячутся хорошенькие лица. Выкрикиваемые комплименты заставляли Изольду краснеть и улыбаться, однако Ишрак презрительно отворачивалась.

– Не нужно быть гордячкой: нас вовсе не оскорбляют, – попеняла ей Изольда.

– Для меня это – оскорбление, – возразила Ишрак. – С чего они решили, что могут обо мне высказываться?

Девушки свернули в узкий проулок, который вел вверх, к рыночной площади. Теперь они были вынуждены пробираться под паутиной из бельевых веревок, протянутых от одного балкона к другому. Кое-где на ступеньках сидели старухи, занятые штопкой одежды или плетением кружева. Старые женщины кивали девушкам, когда те проходили мимо них, ступая по грубо обтесанным булыжникам.

Большая часть жителей Пикколо уже собралась на рыночной площади, чтобы послушать проповедь Иоганна.

Изольда и Ишрак миновали булочную: пекарь как раз вышел на улицу и запирал лавку. Его лицо и волосы были обильно присыпаны мукой. По соседству с ним башмачник сидел по-турецки на пороге своей мастерской с недоделанным сапогом на болванке и глазел на толпу. Следующая лавка специализировалась на корабельных принадлежностях. В ее темном помещении была свалена всякая всячина: рыбацкие сети, пробковые поплавки, ножи для разделки рыбы, уключины, кучки шурупов, банки с гвоздями, плитки прессованной соли и бочки. Дальше виделась лавка шляпника и галантерейщика, прозябавших без дела в этом бедном городке, а потом – мастерская шорника.

Девушки брели мимо лавок, почти не заглядывая внутрь: их взгляды были прикованы к лестнице храма, на которой стоял Иоганн. Его волосы сияли на солнце, как расплавленное золото. Он не шевелился, прижавшись щекой к крюку посоха, и, похоже, к чему-то прислушивался.

У церкви уже гудел народ. Люди переговаривались между собой, готовясь внимать проповеди. Позади Иоганна, в темном проеме церковных дверей, стояли местный священник, брат Пьетро, Лука и Фрейзе. Многие рыбаки и практически все молодые женщины и маленькие дети Пикколо хотели посмотреть на предводителя Крестового похода, но Изольда заметила, что здесь почти не было подростков. Девушка предположила, что их отправили в море с отцами или приказали сидеть дома: не всем семьям хотелось рисковать и позволить своим детям слушать Иоганна. Наверняка многие матери сочли Иоганна опасным крысоловом из сказки, который может повести детей за собой – и тогда сыновья и дочери уже пропадут безвозвратно. Изольда услышала, что некоторые женщины называли Иоганна вором, который охотится на детей. Его надо бояться, говорили они, а те матери, у которых есть лишь один ребенок, должны вообще держаться от него подальше.

Юным паломникам дали скудный завтрак, состоящий из хлеба и рыбы. Священник собрал еду у прихожан, а торговцы на рынке раздали детям остатки продуктов. Монахи из аббатства прислали корзины со свежеспеченными караваем и медовыми лепешками. Некоторые паломники, правда, остались голодными – а многие, вероятно, толком ничего не ели уже несколько недель. Однако у них были жизнерадостные лица, а их глаза горели отвагой и решимостью.

Ишрак, которая всегда хорошо улавливала настроение толпы, почти физически ощущала страстную убежденность юных крестоносцев. Они хотели верить в то, что Иоганна послал Господь. Они убедили себя в том, что он поведет их в Иерусалим.

– Но это мечта, – прошептала она Изольде. – Нечто совсем иное, чем вера.

– Вы спрашиваете меня: зачем нам отправляться в долгий-долгий путь к Святой земле? – внезапно начал Иоганн без всякого вступления.

Он не призывал всех слушать, не прочел молитвы, не потребовал внимания. Он даже не повысил голоса и не оторвал взгляда от земли, и так же задумчиво прижимал щеку к крюку пастушеского посоха – но сотни людей внезапно замолчали и затаили дыхание. Круглолицый священник в серой домотканой сутане цистерцианца², никогда в жизни не видевший столь многочисленной паствы, вперил взор в Иоганна. Брат Пьетро сделал шаг вперед, стремясь не пропустить ни слова.

– Я скажу вам, зачем нам надо идти столь далеко, – тихо продолжил Иоганн. – Потому что нам хочется. Вот и все. Мы решили это сделать. Мы пожелаем сыграть свою роль в конце света. Неверные присвоили себе святые места и захватили величайший храм Константинополя. Мессу больше не служат у самого главного алтаря земли. Нам надо идти туда, где Иисус Христос был Ребенком, и нам надо пройти по Его стопам. Мы уподобимся детям, которые войдут в Царствие Небесное. Он обещал, что те, кто придет к Нему, как малые дети, не будут отвергнуты. Мы, Его дети, припадем к Нему – и Он явится снова, как и обещал. Он будет судить живых и мертвых, старых и молодых. Мы будем там, в Иерусалиме, и мы станем детьми, которые увидят Царствие Небесное. Понимаете?

– Да! – выдохнула толпа.

Паломники откликнулись очень охотно, но и взрослые жители Пикколо, которые никогда прежде не слышали проповеди Иоганна, сразу же доверились пареньку.

– Да! – произнесли они хором.

Иоганн тряхнул головой, и его золотые кудри отлетели назад. Он обвел взглядом толпу, сгрудившуюся возле церкви. У Луки возникло странное ощущение, что Иоганн устремил взгляд своих пронзительных голубых глаз прямо на него. Наверное, юный проповедник знал что-то про него, собирается сказать что-то именно ему, Луке!

– Тебе не хватает отца, – произнес парнишка, обращаясь к толпе.

² Цистерцианец – представитель католического монашеского ордена.

Лука, отец которого исчез после нападения оттоманов на их деревню, когда Луке было четырнадцать лет, вздрогнул и посмотрел на Изольду. Ее отец умер пять месяцев назад. Изольда вытянулась как струна и не отводила своего взора от Иоганна.

– Я чувствую твою печаль, – ласково вымолвил Иоганн. Его голубые глаза вновь скользнули по Луке и остановились на Изольде. – Он с тобой не попрощался, – мягко добавил он.

Изольда прикусила губу, борясь с глубокой, неотступной тоской. От толпы принесли тихий стон тех, кто потерял своих отцов: в море, от болезни, от массы несчастных случаев повседневной жизни. Ишрак, которая стояла рядом с Изольдой, взяла ее за руку – и почувствовала, что пальцы девушки дрожат.

– Я вижу усопшего дона, лежащего в часовне – и его сына, обманом присвоившего его место, – продолжил Иоганн. Изольда смертельно побледнела, слушая, как он рассказывает ее историю всему миру. – Я вижу девушку, рвущуюся к отцу. Он звал ее по имени, пребывая на своем смертном одре, но дочь не допустили к нему, и теперь она стонет от горя.

Лука глухо вскрикнул и повернулся к брату Пьетро:

– Но я ему ничего не говорил, поверьте мне!

– Я тоже.

– Тогда откуда он все узнал?

– Я вижу могилу в часовне, – произнес Иоганн, – но никто не оплакивает ушедшего. – Какая-то женщина в толпе зарыдала и рухнула на колени. Застыв, как изваяние, Изольда внимала юноше, который описывал смерть ее отца. – Вот дочь, которую изгнали из дома, и она жаждет вернуться обратно.

– Он говорит обо мне, – шепнула Изольда своей спутнице.

– Кажется, да, – напряженно отозвалась та. – Но такое можно сказать про многих людей.

– Я вижу девушку, чей отец умер без нее. Ее брат похитил ее наследство. Она и сейчас мечтает оказаться дома и увидеть отца. – Голос Иоганна был негромким и уверенным. – И у меня есть для тебя хорошая новость. Благая весть. Я вижу юную женщину, сердце которой разбито утратой, – но она вернется и займет свое место, принадлежащее ей по праву.

Изольда вцепилась в надежную руку Ишрак.

– Ты слышала?

– И это не все, – продолжил Иоганн. – Я вижу юношу. Мальчика, отец которого пропал в море. О, я вижу, как он долго ждет на берегу, высматривает паруса корабля, который не возвращается домой.

Сдавленные рыдания какого-то паренька подхватили и другие жители Пикколо. Видения Иоганна явно были истинными. Люди узнали себя и свою горькую участь. Кто-то громко попросил Божьего благословения для семьи, оставшейся без кормильца. Одна женщина, утешившись, тихо всхлипывала неподалеку от Изольды. Она думала о своем отце, который давно пропал, уйдя в плавание.

– В порту такую догадку сделать легко, – прошептала Ишрак Изольде, заслужив в ответ укоризненный взгляд.

– Я вижу мальчика... юношу... узнавшего, что его отца захватили неверные. Они явились ночью на своих ужасных галерах – они украли его родителей и все их имущество. Теперь юноша хочет узнать, почему так случилось. Он жаждет получить ответы на свои вопросы. И он будет задавать их все годы, которые ему суждено прожить на этой земле.

Фрейзе обменялся понимающим взглядом со своим другом и господином. Он как раз был с Лукой в монастыре, когда аббат вызвал его из капеллы и сообщил о набеге оттоманских рабовладельцев и о том, что его отец и мать исчезли.

– Странно, – буркнул Фрейзе.

– Юноша, внезапно потерявший родителей, будет задавать вопросы всю свою жизнь, – повторял Иоганн.

Лука не отрывал глаз от юного проповедника: казалось, что паренек описывает именно его судьбу.

– Но я сумею ответить на его вопросы, – заверил зачарованную толпу Иоганн своим нежным и умиротворенным голосом. – Я смогу ответить юноше, который мысленно кричит: «Где мой отец? Где моя мать?». Бог наделил меня мудростью. И я могу сказать тебе сейчас, что ты услышишь своего отца. Я научу тебя, как услышать его голос.

Иоганн устремил взгляд в сторону Изольды, прятавшейся позади местных женщин: все они были одеты одинаково, а золотые волосы девушки скрывал плотный капюшон плаща.

– Я скажу тебе, как вернуть твое наследство и занять место твоего отца, исполнив его предсмертную волю. Я объясню тебе, как вернуться домой.

У Изольды из горла вырвался сдавленный возглас. Лука с трудом удержался, чтобы не рвануться к ней.

– Иди вместе с нами, – произнес паренек. – Мы идем в Иерусалим, где мертвые воскреснут, а мир приблизится к концу – и тогда отец возложит на твою голову благословляющую длань. Ты ощутишь его любовь и почувствуешь, что ты – его дитя.

Изольда открыто плакала – как и половина собравшихся на площади. Даже Фрейзе начал тереть глаза. Иоганн повернулся к священнику.

– А теперь мы будем молиться, – объявил он. – Отец Бенито примет исповедь и помолится с нами. Можно мне исповедаться, отче?

Глубоко тронутый священник кивнул и ушел с Иоганном в темный церковный зал. Большинство присутствующих опустили на колени и покорно закрыли глаза в молитве. Изольда тоже упала на колени на грязный булыжник рыночной площади. Ишрак застыла рядом с ней, как будто стараясь заслонить и от откровения, и от людской тоски. Фрейзе встретился с сумрачным взглядом Ишрак. Он признался себе, что потрясен и озадачен проповедью Иоганна.

– Но мы же ему ни о чем не рассказывали, – скороговоркой прошептал Лука брату Пьетро. – Он знает наши судьбы, которые не смог бы узнать иначе, как через откровение. Он говорил обо мне и о моем детстве, а ведь я молчал об этом! И он никогда прежде не встречал госпожу Изольду! Мы в Пикколо – совершенные незнакомцы!

– А Фрейзе не мог... – неуверенно начал брат Пьетро.

Фрейзе замотал головой.

– Не-е, я кормил завтраком мальчишек, которые попрошайничали у пристани! – высокомерно произнес он. – И я не сплетник. Я не сказал ему ни единого словечка – не считая того, что вы слышали. По-моему, парень просто придумал удачную речь и следил за поведением толпы.

– Ты плакал! – возразил Лука.

– Он говорил такие вещи, что и камень бы разрыдался! – парировал Фрейзе. – Но слезы еще не делают их правдой.

– А то, что он упомянул про набег оттоманов? – спросил Лука. – Это – точно не догадка! А его заявление о том, что госпожу Изольду выгнали из ее замка? Это не похоже на сказанное наугад: он не мог такое придумать! Ему неоткуда было узнать про госпожу Изольду! И в то же время он говорил о том, что ее отец лежит в холодной могиле, а брат присвоил ее наследство.

– Полагаю, что он получил откровение, – согласился брат Пьетро, не разделяя недоверия Фрейзе. – Но я спрошу у священника его мнение. Кстати, возможно, Иоганн также сообщит ему нечто интересное, стоящее нашего внимания.

Он посмотрел в сторону церкви. Даже отсюда было видно, что священник стоял на коленях по одну сторону резной перегородки, а Иоганн преклонял колени по другую. Юноша благоговейно исповедовался шепотом, низко склонив голову с взлохмаченными локонами.

– Исповедь Иоганна должна быть тайной, – заметил Лука. – Она касается только Господа, священника и самого Иоганна.

Брат Пьетро кивнул:

– Конечно. Но отцу Бенито допустимо поделиться со мной впечатлениями. А когда я с ним побеседую, то отправлю в Рим наше сообщение. Кем бы ни был юнец – провидцем или мошенником, – милорд, полагаю, захочет ему помочь. Полагаю, что у Иоганна – очень важная роль во всем этом. Он организовал стихийный Крестовый поход! Вот оно – настоящее народное движение! И оно – гораздо мощнее, чем вассалы, идущие воевать по приказу сеньоров. Именно к такому призывал Его Святейшество – и не получал отклика. Но Иоганн способен изменить мир. Уже в Италии он способен собрать тысячи. Я наблюдал за ним и понял, что у него есть дар. Он сумеет создать непоколебимую армию верующих. Милорд захочет, чтобы о паломниках позаботились, а затем отправили в Святую землю. Он пожелает, чтобы их оберегали и чтобы они получили не только пропитание, но и оружие.

– И он говорил так точно и метко! – продолжил Лука, который остался равнодушен к планируемому братом Пьетро Крестовому походу. – Он упомянул обо мне и моем отце. Он говорил про госпожу Изольду и про дону Лукретили! Это не было обобщением или обычным ораторским оборотом. Иоганн – пророк! Он мог получить это знание только из истинного откровения.

– Он вдохновляет на подвиги, – признал брат Пьетро. – Возможно, он и впрямь провидец. И он явно получил дар языков: вы видели, как его слушали?

Лука направился к Изольде, пробираясь сквозь толпу молящихся. Приблизившись к девушке, он обнаружил ее на коленях, под присмотром Ишрак. Когда она перекрестилась и подняла голову, он подал ей руку и помог встать.

– Мне показалось, что Иоганн обращался ко мне, – отрывисто произнес Лука. – Он поведал мне о том, как я лишился отца.

– А я уверена, что он общался именно со мной, – вымолвила она, – Иоганн говорил то, что могли знать лишь те, кто находились в замке, но его же там не было! Значит, мудростью его наделяет Господь! На него снизошел Дух Святой.

– Ты ему веришь?

Она кивнула:

– Да. Он не мог просто угадать это. Его слова были настолько верными – и картина была очень яркой. Правдивой.

Лука подал ей руку, и она положила ладонь на сгиб его локтя. Молодые люди направилась по узкой лестнице к припортовому постоялому двору. Фрейзе и Ишрак побрели за ними в скептическом молчании. Тощий рыжий котенок бежал следом, пытаясь не отставать от Фрейзе.

– Я что-то не заметил, чтобы ты плакала, – сказал Фрейзе молчаливой Ишрак.

– Я редко плачу, – ответила она.

– А я реву, как ребенок, – признался Фрейзе. – Иоганн воодушевляет. Но я не представляю, что и думать.

– Он мог сказать такое где угодно, – без обиняков заявила Ишрак. – В любом порту на побережье найдутся женщины, потерявшие отца. В большинстве городов кого-то да оставят без наследства.

– Ты не веришь, что Иоганна призвал Господь?

Она коротко засмеялась и решила признаться:

– Я вообще не уверена насчет Бога.

Фрейзе улыбнулся:

– Так ты язычница?

– Мать растила меня мусульманкой, но всю жизнь я провела в христианском доме, – объяснила Ишрак. – Образование мне дал отец Изольды, дон Лукретили: из меня сделали ученого, который во всем сомневается. Я толком не знаю, во что верить.

Лука с Изольдой продолжали разговаривать.

– Мне невероятно сильно не хватает отца, – признался Лука. – А мать... – Он не закончил фразы. – Самое ужасное – быть в неведении. Я не знаю, что именно случилось, когда их похитили – да и живы ли они вообще?..

– Родители отправили тебя в монастырь? – спросила она.

– Они были убеждены в том, что я поразительно способный и мне надо дать шанс стать не простым фермером. У них был надел земли – мы неплохо жили и не бедствовали, но если бы я унаследовал ферму и остался в деревне, то не увидел бы ничего, кроме холмов и лугов. Я бы вел хозяйство после их смерти и передал бы все своему сыну. Им хотелось, чтобы я учился и достиг чего-то при церкви. Мама никогда не сомневалась в том, что Бог наградил меня талантами. Отец понимал, что я разбираюсь в цифрах лучше купцов и начинаю говорить на других языках чуть ли не сразу, когда слышу чужую речь. Он решил, что мне нужно дать образование. Вот так все и получилось, – подытожил Лука.

– Но ты мог с ними видеться после того, как сделался послушником?

– Да. Будь они благословенны: родители посещали храм аббатства почти каждое утро, а по воскресеньям бывали в монастыре дважды. Они часто стояли возле входа в церковь и высматривали меня, когда я был хористом – ну а я из-за своего маленького роста не мог толком ничего увидеть и поэтому забирался на скамеечку для коленапреклонений. Когда мама навещала меня в монастыре, она всегда приносила мне что-нибудь из дома: веточку лаванды или пару яиц. Наверное, она по мне очень скучала. Я был ее единственным ребенком. И, видит Бог, я тоже по ней скучал!

– А ей не хотелось оставить тебя дома, несмотря на амбиции твоего отца? – поинтересовалась Изольда, живо представив себе, каким чудесным мальчуганом был Лука.

Он ответил не сразу.

– Имелась еще одна причина меня отослать, – произнес Лука после паузы. – Понимаешь, они были немолодые, когда я родился. Они много лет молились о первенце, но Бог не давал им детей, поэтому в деревне мое рождение многих удивило.

– Удивило? – переспросила она.

Бульжники оказались скользкими. Изольда потеряла равновесие, но Лука вовремя успел ее подхватить. Оба застыли, словно соприкосновение их потрясло, а затем неторопливо продолжили свой путь. Их шаги на удивление хорошо совпадали.

– Если честно, все было гораздо хуже, – со вздохом проговорил Лука. – Я не люблю вспоминать про то гадкое время. В деревне сплетничали обо мне. Соседи твердили, что я подменыш – ребенок, которого мои родители не зачали, а получили. Говорили, что мать и отец нашли меня на пороге дома или даже в лесу. Меня называли ребенком ф... – Он не мог заставить себя выговорить это слово, – фе...

– Ребенком фейри?³ – шепотом подсказала Изольда, ощущая его болезненное смущение.

Лука кивнул, как будто признавался в преступлении.

– Тут нет ничего позорного! – воскликнула она. – Чего только народ не болтает! А невежественные люди предпочитают верить сказкам про волшебство, а не разумным объяснениям.

– Нас опозорили, – добавил Лука. – Рядом с нашим домом находился лес – на нашей собственной земле, – и его называли заколдованным. Говорили, что моя мать, отчаянно мечтающая о ребенке, отправилась туда и возлегла на ложе лорда фейри. А спустя девять месяцев она родила меня и выдала моему отцу за смертного мальчика. Когда я подросток, то смог учить языки и разбираться в цифрах в мгновение ока. Соседи тотчас начали распускать обо мне слухи, дескать, это доказывает, что моя мудрость гораздо глубже, чем у простых смертных.

Изольда сочувственно посмотрела на пригожего юношу.

³ Фейри – в фольклоре кельтских и германских народов – сверхъестественные существа (эльфы, феи, брауни и многие другие).

– Люди бывают очень жестокими! Тебя считали сыном лорда фейри?

Лука отвернулся и утвердительно склонил голову.

– И поэтому родители тебя отослали? Лишь по той причине, что ты оказался сообразительным мальчиком, одаренным к разным наукам? И еще из-за твоей красоты?

– Тогда я считал, что это проклятие, а не дар, – произнес Лука. – Иногда я стоял рядом с отцом, сидевшим у огня... Он опускал руку в карман, доставал оттуда горсть монет и просил посчитать, сколько будет, если он потратит половину или треть или если отдаст половину в рост под пятнадцать процентов, но потеряет вторую половину. Я мигом решал задачки и ни разу не ошибался. Я действительно видел ответы. Они прямо были написаны в воздухе! Цифры возникали передо мной, сияя разными цветами. А он целовал меня в лоб и говорил: «Мой мальчик, мой умный мальчик», – а мама говорила: «Да, твой!» Думаю, ей нужно было это повторять, постоянно убеждая моего отца в том, что я его сын. А однажды летом в деревне появились чужаки: странствующая труппа цыган, и я захотел взглянуть на них вместе с деревенскими детьми. Я услышал, как они разговаривают друг с другом. Ребята над ними смеялись, а одни паренек даже бросил в них камень... Какой-то цыган заметил, что я за ними наблюдаю, и обратился ко мне, а я ему ответил: я усвоил их язык моментально, как только услышал. Тогда-то и случилось самое плохое. На следующее утро мы обнаружили широкий круг соли вокруг нашего дома и четыре подковы – они лежали на севере, юге, западе и востоке.

– Соль?..

– Фейри неспособны переступить через железо и соль. Соседи захотели лишиться меня свободы. Это стало последней каплей. Родители боялись, что меня запрут в сарае, а потом подожгут его. – Лука пожал плечами. – Такое случается. Людей пугает то, чего они не понимают. Однако моего отца уважали. Но у меня никогда не было друзей среди деревенских ребят. Я всегда был не такой, как они, у меня не получалось с ними общаться. Меня сторонились и чурались. Я был другим – и на это уже было нельзя закрывать глаза. Родители решили, что окружающий мир для меня слишком опасен. Они отправили меня в монастырь, чтобы уберечь.

– И ты освоился в аббатстве? – осведомилась Изольда, вспоминая собственное пребывание в женском монастыре, где она оказалась в полном одиночестве – с ней была только Ишрак, еще одна чужачка.

Лука посмотрел на дорогу.

– Фрейзе я сразу понравился, – улыбнулся он. – Он был поваренком и, бывало, крал для меня еду, чтобы я лучше рос. А когда меня научили читать и считать, я принялся задавать вопросы.

– Вопросы?

Он пожал плечами:

– Я ничего не мог поделать. Но оказалось, что большинство вопросов являются ересью.

– А позже работорговцы захватили твоих родителей? – негромко подтолкнула его на продолжение Изольда.

Лука прикусил губу. Похоже, он до сих пор испытывал невыносимые страдания.

– Знаешь, минуло целых четыре года, но я каждый день вспоминаю про отца и маму. Мне необходимо выяснить, пережили ли они набег. Если они живы, я должен их спасти. Они были готовы сделать для меня все. Мне хочется их увидеть! А если я опоздал и они умерли, то я должен почтить их память и похоронить должным образом. Может, Иоганн прав и мои родители восстанут в Иерусалиме! В таком случае мне следует быть на Святой земле. Это как призыв, священный долг.

Изольда зарделась:

– Ты же не собираешься отправиться в Иерусалим?

Лука неохотно кивнул:

– Я вроде бы чувствую, что мне надо продолжить свои поиски. Я действую по приказу милорда и с согласия папы, я только начал расследование... Но если я получу разрешение от магистра нашего ордена, то, по-моему, мне надо идти в Иерусалим. У меня такое ощущение, будто Иоганн говорил именно со мной и пообещал, что в Иерусалиме я встречу родителей. Может ли быть призвание более важное, чем свидание с родными перед концом света? Или в момент конца света?

Они добрались до берега и повернули к постоялому двору, замедлив шаги, чтобы подольше побыть вместе.

– Я тоже хочу в Иерусалим! – пылко воскликнула Изольда. – Я не поеду в Венгрию – ведь я услышала проповедь Иоганна! Смерть отца всегда со мной, и в моем сердце кровоточит невидимая рана. Это ужасно! Каждое утро я просыпаюсь, думая, что нахожусь в своей спальне в замке Лукретили, а он жив – но затем вспоминаю, что отец находится на Небесах, а я потеряла дом и сама чуть не потерялась. Если бы я смогла его увидеть! Ради такой возможности я отправлюсь куда угодно – хоть на край света!

– Ты и вправду считаешь, что встретишься с ним в Иерусалиме? Тебя убедила проповедь Иоганна?

– Пока он говорил, я была уверена в его словах, но сейчас, когда ты меня спросил... Конечно, теперь меня гложут сомнения...

Изольда умолкла. Теперь они вдвоем стояли возле гавани. Рука Изольды покоилась на сгибе его локтя, над их головами кружили вопящие чайки, а суда мирно качались у причала... Солнце освещало Пикколо бледными лучами, проложив золотистую дорожку по морю.

– Я понимаю, что все звучит невероятно. Но ты здесь по приказу папы, поскольку Его Святейшество считает, что близится Судный день. Сам папа римский думает, что вскорости такое может произойти. И мы знаем, что тогда мертвые воскреснут... – Изольда погрузилась в размышления и прижала ладонь к вороту скромного платья, проверяя, как бьется ее сердце. Казалось, ровное биение пульса ее успокоило. – Почему бы этому не быть правдой? Я верю, что Иоганн – провидец. Он дал мне знак! Истинный знак! Я отправлюсь в Иерусалим и помолюсь о том, чтобы встретиться с отцом, который будет среди восставших из мертвых! Пусть он простит меня за то, что я его подвела. И пусть он скажет мне, как мне вернуть свой замок.

Тронутый ее горем, Лука осторожно прикоснулся к ее плечу. Секунду спустя он осмелел и приложил тыльную сторону ладони к ее подбородку. Как только Изольда ощутила его бережное прикосновение, по ее телу пробежала дрожь. На мгновение она замерла в полной неподвижности и с невнятным возгласом отстранилась.

– Почему ты считаешь, что ты его подвела? – прошептал Лука.

– Когда батюшка умирал, брат сказал мне, будто ему не хочется, чтобы я видела его боль и отчаяние. Я поверила ему – и молилась в часовне, пока отец уходил от нас в одиночестве! Когда я узнала, что брат лгал мне и отнял мое наследство, я заподозрила, что он и отцу лгал насчет меня. Вдруг батюшка звал меня, а брат твердил ему, что я отказываюсь к нему идти? Мне невыносима эта мысль!

Она подавилась рыданиями, так что ей пришлось замолчать и откашляться.

– Почему ты поверила брату? – мягко спросил Лука. – Почему ты не бросила ему вызов? Нежные губы Изольды скривились.

– Меня воспитывали как благородную даму, – с горечью вымолвила она. – Дама должна быть выше лжи и обмана, она – образец порядочности и надежности. Дама с честью несет свое бремя и верит, что мужчина будет поступать точно так же. Я считала брата порядочным человеком: сын знатного аристократа, которого растили и воспитывали в традициях нашего рода. Я не сумела разглядеть его двуличную натуру. Я далеко не сразу поняла, что должна сама выбирать свою судьбу и решать, как мне жить. Мне нельзя было ждать и надеяться, что меня спасут.

Изольда замолчала и вместе с Лукой направилась к постоялому двору. Он осторожно держал ее под руку, и они снова шагали в ногу.

– Ты считаешь, что твой отец встанет из могилы? – с любопытством уточнил он.

– Не знаю, как такое возможно – но теперь я неспособна думать ни о чем другом. Иоганн смотрел мне прямо в глаза и рассказывал про смерть моего отца! Как он мог говорить о холодном склепе, ничего не зная обо мне? Думаю, он узрел Божественным взором нашу семейную часовню и тело моего отца! Значит, Иоганн наделен мудростью, недоступной нам, и видит то, к чему мы слепы.

Изольда приостановилась у открытой двери постоялого двора. Их совместная прогулка почти завершилась. Лука взял ее за обе руки.

– Странно, что мы – сироты, – произнес он.

Изольда подняла к нему разгоревшееся лицо.

– Поэтому мне хочется тебя утешать, – прошептала она.

Он судорожно вздохнул.

– А мне – тебя.

Теперь они не шевелились, держась за руки.

Ишрак и Фрейзе замялись поодаль, глядя на юную пару.

– Ты будешь считать меня другом? – очень тихо спросил Лука у Изольды.

Она не колебалась ни секунды.

– Мы оба одиноки в этом мире, – проговорила она. – Я была бы счастлива иметь друга, который был бы столь же надежным, терпеливым и верным, как мой отец.

– А мне нужен друг, которым бы я мог гордиться, – вымолвил Лука. – Возможно, мне никогда не удастся познакомить тебя с моей матерью. Вероятно, она давно умерла. Но мне нравится думать, что я смог бы представить тебя моей матушке, и ты бы ей сразу понравилась.

Он резко замолчал, вспомнив про свои обеты. Она почувствовала, как он буквально отдернул руки, разрывая теплое пожатие.

– Разумеется, мне можно мечтать лишь о дружбе. Я только на первом этапе посвящения, но я стану священником, дам обет безбрачия.

– Только на первом этапе, – эхом откликнулась Изольда. – Но ты не клялся...

Лука посмотрел на нее, как на соблазнительницу.

– Ты права, – подтвердил он. – Я не связан узами клятвы. Я намеревался принять сан, но... Он умолк, чтобы не поддаваться слабости и не сказать «пока не встретил тебя».

* * *

Толпа перед церковью вяло расходилась: люди пытались осмыслить услышанное и увиденное. Брат Пьетро терпеливо ждал, когда Иоганн закончит исповедоваться отцу Бенито. Через некоторое время юноша встал, перекрестился, уважительно кивнул священнику и прошествовал к алтарю. Опустился на колени на ступенях, погрузившись в безмолвную молитву, и прислонился лбом к резной перегородке, которая ограждала таинство мессы от прихожан. К алтарю приближаться разрешалось только рукоположенным священникам.

Позади него, в тихой церкви, брат Пьетро огляделся, убеждаясь, что за ним никто не наблюдает. Пройдя по нефу, он встал на колени в исповедальне. По другую сторону ширмы находился приходской священник.

– Отец Бенито, мне нужен твой совет по одному судьбоносному вопросу, – признался брат Пьетро, складывая руки, но явно не собираясь исповедоваться в грехах.

Священник склонился над четками, читая молитву. Его пальцы дрожали. Не поднимая головы, он глухо произнес:

– Я ничем не могу тебе помочь, брат.

– Но ничего важнее быть не может!

– Согласен с тобой, брат. Мне никогда не доводилось сталкиваться с чем-то столь важным.

– Я должен спросить...

Священник выпрямился.

– Ты желаешь знать, истинны ли видения юноши, – предположил он.

– Да, отче. Мною движет не праздное любопытство в отношении пастуха, которого сопровождают юные отроки. Он организовал мощный Крестовый поход. Если дети доберутся до Святой земли, мир может измениться. Мне надо сообщить милорду, с которым советуется Его Святейшество, можно ли считать Крестовый поход истинным. Если этот юноша мошенник, мне необходимо выяснить все немедленно – нам надо подготовиться. Если же он святой, то и тогда дело не потерпит никаких отлагательств. Нам нужно узнать про Иоганна все, что только можно. Он исповедался тебе, отче. Твое мнение чрезвычайно важно для нас.

Приходской священник посмотрел сквозь деревянную ширму на брата Пьетро, приехавшего из самого Рима.

– Сын мой, увы, я бессилен.

– Речь идет о благе нашей христианской Церкви! Я приказываю тебе говорить.

Священник сжал четки.

– Я бессилен, – повторил он.

– Отец Бенито, ты можешь умолчать о деталях – и тебе не придется нарушать тайну исповеди. Но помоги мне понять! Просто ответь мне, грешит ли Иоганн, как смертный мальчик? Ведь если он исповедуется как глупый необразованный паренек, то он – обманщик, взявшийся за великую миссию, которую ему нельзя доверить. Каждый год появляются десятки таких же юнцов – и мы управляемся с ними на благо Церкви и к вящей славе Господней. Нам надо знать, как поступить с парнишкой!

Священник на секунду задумался:

– Послушай меня, брат: я не отказывался тебе помогать. Я имел в виду – мне нечего тебе рассказывать. Он ни в чем не исповедался.

– Он отказался от исповеди?

Брат Пьетро был потрясен подобным бунтом.

– Можно сказать и так, брат! – Священник поднял голову и посмотрел в изумленное лицо брата Пьетро. – Я не нарушаю тайну исповеди, поскольку и исповеди не было. Мне не на что намекать, ни о чем не надо умолчать, как о греховной тайне. Иоганн пришел ко мне: он был полностью открытым и ничего не утаивал. Он живет, не совершая серьезных проступков. Я не налагал на него епитимью, потому что ему не надо замаливать никаких грехов.

– Безгрешных людей нет! – возразил брат Пьетро.

Священник пожал плечами:

– Я его спрашивал. У него нет провинностей.

– Гордыня, – пробормотал брат Пьетро.

Он вспомнил, как Иоганн проповедовал сотням слушателей, и прикинул, что бы почувствовал он сам, будь он способен к ораторскому искусству.

«Что ни говори, а Иоганн может заставить людей бросить свои дома и идти пешком через весь крещеный мир», – подумал он.

– Он считает себя избранником нашего Господа, – сказал брат Пьетро вслух, решив, что именно так и должен ощущать себя Иоганн.

– Он лишен гордыни, – возразил священник. – Я тщательно расспрашивал его. Иоганн не приписывает себе никаких заслуг. В нем нет высокомерия, хоть за ним и следуют сотни. Он утверждает, что их ведет Господь, а сам он лишь идет рядом.

– Алчность.

Брат Пьетро вспомнил, как плотно позавтракал юноша.

– Он голодает или ест, как велит ему Господь: все зависит от того, посылает ли ему Бог пропитание. И он часто постится – по его мнению, Бог хочет, чтобы он голодал вместе с бедными. Порой он недоедает, потому что пищи у паломников бывает очень мало, а те скудные запасы, которые у них имеются, они делят на всех. И я не удивлен, что юноша с аппетитом ел за твоим столом. Он наверняка решил, что Бог дал ему пищу, и его долг – ее съесть. Он ведь прочитал молитву?

– Да.

– И поблагодарил тебя за гостеприимство?

– Поблагодарил, – пробурчал брат Пьетро.

– Тогда чего еще ты от него хочешь?

Брат Пьетро хмыкнул.

– Если Бог велит ему вкушать пищу, он ест, – продолжал священник. – Если Бог велит ему жаждать – он терпит жажду. А когда Господь указывает ему путь, он идет дальше.

– Он забирает детей? Сманивает от родителей, хотя им нужно было оставаться дома? Можем ли мы назвать его вором? Стремится ли он приобрести последователей?

– Иоганн уверен, что исполняет Божью волю. Я задал ему вопрос о детях. Он говорит, что, раз его призвал Господь, вся грязь была из него исторгнута: теперь он не человек, а сосуд. В нем есть только Божья воля и нет грехов. Он ответил убежденно, брат. Он искренен и прямодушен. Он не лжет. По-моему, он превращается в святого. За те долгие годы, когда я принимал исповедь, я ни разу не общался с юнцом, который бы открыл передо мной свою жизнь – и она оказалась чистым листом. Это стало неожиданностью для меня, брат. О таком священник даже не мечтает.

– Похоть? – выпалил брат Пьетро, вспоминая обычные исповеди юношей.

– Иоганн сказал, что он девственник, – твердо произнес священник.

У брата Пьетро голова шла кругом.

– Неужели это возможно? Невинный юноша?

– Брат, я в него верю. Если епископ меня отпустит, я отправлюсь вместе с ним.

– Ты?

– Понимаю, что выгляжу нелепо. Я – мирный приходской священник, растолстевший и разленившийся от сытой жизни. А этот мальчик знает, что приближается конец света. Он перечислил мне некоторые свидетельства. Именно о них и предсказано в Библии, брат. Его не подучивали это говорить: знамения были ему явлены. Он заявил, что, если мы хотим спасти мир, нам надо оказаться в Иерусалиме. Я верю, что Господь поведал Иоганну о конце света. Если мне позволят, я запру свой дом и присоединюсь к маленьким паломникам. Крестовый поход детей в Иерусалим – что может быть лучше? Я больше всего на свете хочу пойти в Святую землю.

Брат Пьетро поднялся на ноги и заморгал.

– Мне надо отправить доклад, – выдавил он.

– Скажи кардиналам в Риме, что в нашем Пикколо случилось чудо! – попросил его священник. – В нашем городке, перед нами, мирскими глупцами, явлена Благодать Господня! Благодарю Бога за то, что сподобился увидеть Иоганна. Благодарю Бога, что в наш темный мир пришел Иоганн Добрый. Он поведет нас в Иерусалим.

* * *

Брат Пьетро и Лука вместе трудились над отчетом, а Фрейзе тем временем нашел помощника конюха, готового предпринять долгую поездку до Авеццано.

– Поедешь по старой римской дороге, – объяснил Фрейзе пареньку, которого вызвали в обеденный зал, чтобы вручить ему драгоценное послание. – Она широкая и прямая, и ты не заблудишься.

– А когда окажешься на месте, ступай в храм Святого Павла и отыщи приходского священника, – добавил брат Пьетро. – Его имя – отец Иосиф. Отдай послание именно ему, а уж он отправит его дальше.

Лука смотрел, как монах сворачивает пергамент и зажигает лучину от камина, в котором пылала дрова. Брат Пьетро извлек палочку сургуча из шкатулки для письменных принадлежностей и поднес ее к пламени, уронив три капли красного сургуча на сгиб пергамента. Затем он снял со своей шеи печатку – та висела на простой тесемке – и прижал ее к застывающему, но пока еще теплому и мягкому сургучу. Печать оставила четкий оттиск. Лука замер – он уже видел подобное изображение в виде татуировки на руке человека, завербовавшего его в орден. Это был дракон, пожирающий собственный хвост.

– Ты должен набраться терпения и ждать, – сказал брат Пьетро парнишке, который вытаращил глаза и молча наблюдал за его манипуляциями, словно монах был алхимиком, изготавливающим золото. – Ты прождешь ночь и весь следующий день. Тебя поселят в доме при храме и накормят. А вечером ты снова придешь в церковь, увидишь отца Иосифа – и он даст тебе письмо для меня. Ты его возьмешь, будешь бережно хранить и привезешь мне, не читая. Ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.